

Андрей Столов

ПЕКУРОВСКИЙ

ЗАМЕТКИ БИОГРАФА

Мне выпала честь собрать и описать факты из жизни Виктора Р. Пекуровского – лидера, преобразователя и наставника Вселенной. Как нам известно ещё со школьной скамьи, Виктор Пекуровский – «фигура неординарная» и «личность галактического масштаба». Если попытаться подытожить фундаментальные эпизоды его жизни, получится весьма длинный список, причем далеко неполный, поскольку Пекуровский по-прежнему жив, активен и никуда в другие миры не собирается. Итак, кто такой и чем знаменит Виктор Пекуровский? Некоторые читатели скажут, что это вдохновитель и участник пролетарских революций, и будут правы. Другие назовут В.П. одним из главных покорителей космоса, и тоже будут правы. Разумеется, и первое, и второе - всего лишь мельчайшие грани пёстрого, как шахматная доска, образа нашего блистательного героя. Не обошлись без В.П. разработка плана ГОЭЛРО, освоение целины, Ялтинская и Потсдамская конференции, подъемы на Эверест, борьба с парниковыми газами и даже такой, казалось бы, незначительный эпизод, как открытие продуктового магазина «Горняк» в центре одного из городов восточной Европы. Если подчеркивать вклад Виктора Пекуровского в гуманитарную сферу, то здесь я бы выделил его оригинальный метод лечения кишечника без хирургического вмешательства, а также монографию «Философия и катарсис», переведенную на многие языки мира. Всего же Пекуровский один и в соавторстве опубликовал сотни научных трудов в самых, казалось бы, взаимоисключающих областях знаний. Знаменитый исследователь традиций и обычаев восточных народов Насыбуллин пишет о Пекуровском, как о «великом татарском поэте-просветителе,» что лишний раз подчеркивает неординарность В.П. - этой, несомненно, крупной, как гора Фудзи, исторической фигуры. Вы уже, вероятно, поняли, что не стоит воспринимать Пекуровского однобоко. Читая эти записки, впитывайте в

себя каждый эпизод биографии В.П. и интерпретируйте его, исходя из личных знаний и убеждений. Разумеется, ни мой, ни чей-либо ещё труд о В.П. не может претендовать на полноту изложения. Более того, я всячески пытался упрощать текст, убирая из него, например, базовые принципы расчета коэффициентов Клебше-Гордона или секвенирования геномов ДНК мух-дрозофил. Да и всю мировую историю я тоже попытался вместить в пределы десятиминутного мультика, ибо размеры книги не безграничны, а жизнь, ах, коротка.

В заключении желаю читателям приятного отдыха и обеда после него.

С уважением

Андрей Столов, официальный биограф В.П.

РОЖДЕНИЕ

Пекуровский называет моментом своего рождения залп "Авроры". Из царства тьмы он как бы перешел в царство света, которое существовало независимо от его сознания и прерывалось только на ночь. Сверху был верх, снизу низ. Святой дух летал над Землей, превратившейся в океан. Потом появилась суша, на ней растения и животные. Из шалаша вышла девушка. Она улыбнулась и протянула руку.

- Ева, - представилась девушка.

- Виктор, - ответил Пекуровский и осторожно прикоснулся к её кисти. Они жили долго и счастливо, хотя, возможно, ее звали не Ева, а, например, Алла.

Позже Пекуровский завёл личный кабинет, секретаршу и биографа. Секретарша строчила на машинке, биограф курил в прихожей.

- Я люблю тебя, жизнь, - диктовал Пекуровский биографу, тот делал пометки, секретарша ухмылялась и строчила еще громче.

- Что я среди них делаю? - думал Виктор, - Зачем я здесь? Тварь я дрожащая, или право имею? Где мои семнадцать лет – вот в чем вопрос...

Прошли годы. Потом еще. Те, кто не знал Пекуровского в детстве, оказались приятно удивлены. Остальные же открыли рты и так, возможно, стоят до сих пор. Сейчас выйду во двор и погляжу.

ЖЕНА

Как я с ним познакомилась? Представьте, случайно. У меня есть брат, почти два метра ростом. Я часто покупала ему одежду, но всегда что-то бывало не так, либо талия слишком широкая, либо рукава короткие. Ну, а тут вижу идет мужчина, тоже под два метра, как мой брат. Ну я, не будь дура, пристаю к нему с вопросом: не могли бы вы зайти в примерочную, ну и вот вам корзинка с одеждой. Он посмотрел на меня и улыбнулся так... ну, как только он умеет. Рот до ушей – это не фигура речи. От него, знаете, пахнет Диором, ну невозможно не влюбиться. С тех пор, как я его, буквально, затащила в примерочную, мы встречались еще несколько лет, а потом я сделала ему предложение. Это случилось в самолете, на пути из Тель Авива

в Брюссель. На глазах пассажиров я встала на одно колено и протянула ему коробочку с обручальным кольцом. Ну, он, как честный человек, и так далее... Короче, мы с ним вместе вот уже почти не буду говорить сколько лет. О том, что он лидер Вселенной я тогда даже не подозревала. Уже потом мне объяснили, в газетах статьи показывали. Ну, пусть лидер, я только рада. Главное, что я с ним счастлива. Ах, мой единственный, моя любовь...

ЛЕНИН И ПЕКУРОВСКИЙ

Владимир Ильич Ленин сильно картавил, хотя по национальности он был, скорее, калмык. Пекуровский же, напротив, не картавил.

- Как Вам это удается, батенька? - иногда вопрошал Ленин в пустоту.

Ленин не знал, что Пекуровского с детства готовили к военной карьере, а потому приставили к нему логопеда.

- Райвайсь, смирно! - орал логопед.

- Говнясь, симгно, - повторял маленький Витя.

Взрослые хихикали и просили логопеда сказать еще что-нибудь в том же духе. Взрослым было весело. И только подросток Володя Ульянов, тогда еще не Ленин, думал о чем-то серьезном. В конце концов, он поднял глаза к небу и произнес: "Мы пойдем другим путем."

ВСПОМИНАЕТ ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

"Свинью под дубом" я действительно писал под дубом. Нет, не под дубаком. Да, понимаю, что вы пошутили. Прототипы героев? Позвольте я не буду отвечать на этот вопрос - многие из них мои хорошие приятели и приятельницы. Давайте я вам лучше расскажу одну историю. Дело было в году... ну, это не важно. Я тогда работал в Твери подканцеляристом. Мои обязанности были не слишком серьезные, что-то типа мальчика на побегушках. Так вот, как-то раз в нашу канцелярию зашел один весьма интересный субъект. Одет он был... как вам сказать... если смотреть спереди - то всё, вроде, нормально – фрак, манишка, брюки, а вот сзади... Сзади в его брюках был вырезан круг, большой такой круг, так что видна... ну не к столу

будет сказано... видно... ну, попа - приличное это слово? Да, короче, костюм, почти фрак, рубашка белоснежная, брюки черные а попа голая. Вот такое явление природы. Ну мы, дети, тогда от смеха прыснули, а взрослые нам "цыц", мол важный господин, не ваше это свинячье дело смотреть что у него не так с одеждой. Ну, выдали ему какие-то бумаги, и он восвояси в карете от нас отбыл. Что? Вы думаете, что это Пекуровский? Не-ет. Совсем другой человек. Пекуровского я тоже встречал. Тот выглядел вполне прилично. Ну, по крайней мере, с виду. В глазах, правда, было нечто, этакая сумасшедшинка что ли? Он потом, говорят, вместе с Кибальчицем сильно намутил, но это уже не в моё время.

ПЕКУРОВСКИЙ И ЖЕНЩИНЫ

Пекуровский относился к женщинам одновременно с симпатией и недоверием. Недоверие возникло после женитьбы.

- У этих женщин одно на уме, - восклицала супруга.

Пекуровский не знал, что имеется в виду под словом "одно", но смутно догадывался: это что-то нехорошее. Отсюда и недоверие.

ВСПОМИНАЕТ ЭНРИКО ФЕРМИ

Я родился в Риме, в семье железнодорожников, поэтому меня в школе часто дразнили "шлагбаум". А "Ферми-Дирак" – это уже потом прозвали коллеги. В семье я был третьим ребенком и поэтому частенько донашивал вещи своего старшего брата, а иногда и сестры. О том, что мы евреи, родители либо скрывали, либо сами об этом не догадывались. Меня отдали учиться в обычную школу, а потом устроили в университет Пизы. Ну, Пиза, там все пьют, как лошади, даже башня в Пизе наклонная. Что еще рассказать о себе э...э. Ну, с самого детства я увлекался физикой. Женат. С человеком, о котором вы говорите... да с Пекуровским... действительно встречался. Итальянское подполье тогда сотрудничало с еврейским, он передал нам черновики схем ядерного реактора. Да, быстрые нейтроны – это кто-то из них придумал. Потом мы эмигрировали с женой в США - ну, вы это знаете.

И эти схемы пригодились, когда начался проект в Лос Аламосе. Нет, больше не встречались. Я слышал от общих друзей, что он тоже переехал в США, куда-то в Мичиган, но, возможно, я путаю с Эренфестом. А я? А что я? У меня всё в порядке. Без протокола, если можно: вы слышали о резонансе между валентной молекулярной модой и обертоном деформационного колебания? Да, в ИК-спектре это наблюдается сплошь и рядом. Моя работа. Горжусь, без дураков!

ДИАЛЕКТИКА СОЗНАНИЯ И МЕТОДЫ ЕЁ ЛЕЧЕНИЯ

Предисловие к пятнадцатому изданию

Монография известного политолога и революционера науки В. Пекуровского посвящена изучению основных, с точки зрения автора, вопросов философии и естествознания. Ядром книги является сюжет, где страдающий в то время анорексией Пекуровский, пытается найти выход из щекотливого положения путем чтения Канта и одновременного приема лаксативов. «Еда, - пишет В. Пекуровский дана нам в ощущениях, а, вот, сознание нельзя пощупать, равно как нельзя выращивать морковку кончиками вверх.» Автор также делится своими соображениями по финансовым вопросам, довольно спорно утверждая, что «деньги происходят из монетного двора и тоже даны нам в ощущениях.» Далее он пишет: «Деньги – это корень зла». Рифмуя последнее с народным «полюбишь и козла», Пекуровский далеко выходит за рамки традиционных философских трактатов, за столбевая за собой совершенно новую область гуманитарной мысли. В последующем, рифмы сыплются, как из рога изобилия, заставляя читателя то смеяться, то вздрагивать, а то и пританцовывать, смахивая подступившую к горлу непрошенную слезу. Вступающим в брак молодоженам, Пекуровский посвящает последнюю главу, которую он не без претензии называет «Слияние сердец.» Описания постельных сцен, приводимые в этой главе, весьма откровенны, что сделало книгу бестселлером и одновременно учебником для озабоченной половины

человечества. Рекомендуется как вспомогательное пособие аспирантам и младшим научным сотрудникам.

ФРЕЙД И ПЕКУРОВСКИЙ

Пекуровский приходился Зигмунду Фрейду, если я не ошибаюсь, внучатым племянником, хотя сам Фрейд старался об этом не вспоминать. Так или иначе, они часто общались.

- Дядя Зи, - спросил однажды Пекуровский, - дядя Зи, растолкуй мой сон.

- Ну давай попробую, - ответил Фрейд с неохотой.

- Мне снилось, - продолжил Пекуровский, - будто бы я на кладбище и занимаюсь там любовью с Мэрилин Монро.

- Занятно, - ответил Фрейд и надолго задумался. Позже он напишет знаменитый труд "Как нам реорганизовать Рабкрин."

В МАКДОНАЛДСЕ

- Мне бигмак, - заявил Пекуровский, - И колу. И эти, как их... френч фрайз.

Сотрудник Макдоналдса выполнил заказ. Пекуровский съел бигмак, френч фрайз и запил это колой.

Назавтра Пекуровский снова зашел в Макдоналдс.

- Мне бигмак, колу и френч фрайз.

Потом снова ел, так что за ушами трещало. И так каждый день.

- Сколько он жрет, - думал, глядя на него, кассир, - Как такое вообще возможно? Мы выращиваем кукурузу, используем для неё удобрения и пестициды. Кукурузой потом будут питаться коровы. Корова накопит белки, потолстеет, и произведет тонны навоза, вонючие, отвратительные горы, источающие смрад! Потом будет бойня. Несчастную корову убьют, чтобы сделать из неё мясо. Сдерут шкуру, вырежут лучшие куски, которые трейлерами будут развозить по штатам. Мясо провернут через мясорубку,

смешают с крахмалом и прочей дрянью. Потом из фарша скатают лепешки и будут жарить. На каждую лепешку положат листок зелени, ломтик помидора и майонез. А ведь и у листочка, и у помидоры своя история. И у колы своя... Сахар для нее делают, кажется, из той же кукурузы. Или из тростника? А знаменитый рецепт – его знают лишь три человека в мире, причем каждый знает ровно треть! И чтобы изготовить колу нужны машины и энергия. Инженеры придумывают машины, а рабочие их потом строят. А чтобы получить энергию, сжигается нефть, обильно выделяя парниковые газы. На земной шар напоззает глобальное потепление. Дышать в больших городах становится всё труднее. И скоро растают ледники, океан затопит Голландию с ее красными фонарями и мельницами. А потом нефть закончится, наступит энергетический кризис, а с ним и голод. Начнется война за передел мира или просто тупо за еду. Мы перебьем друг друга и опять станем первобытными. И когда Солнце погаснет, никого не останется в живых, дабы зафиксировать этот момент. И только ветер будет свистеть над планетой, свистеть долго, словно вспоминая о чем-то далёком и бесконечно прекрасном...

БРАТ ПЕКУРОВСКОГО

У Пекуровского есть брат Борис. Хотя и брат, он совсем не такой, как Пекуровский. Борис не женат. Борис работает сортировщиком на почте. Когда-то давно он был сотрудником кафедры Оптики, где чего-то рассчитывал в приближении Хартри-Фока. А до этого его знали, как студента-гравитатора. Еще раньше он побывал школьником, а перед этим ходил в детский сад и ясли. В общем, совсем не как Пекуровский.

ПЕКУРОВСКИЙ И МУЖЧИНЫ

К мужчинам Пекуровский относился. Из всех мужчин он выделял высоких, а из них - блондинов. Некоторые высокие блондины ходили босиком, другие же носили ботинки. Пекуровскому больше нравилось,

когда есть ботинки. Цвет ботинок большого значения не имел, но к черным ботинкам он питал предпочтение. Лучше всего черные ботинки фирмы "Докер" с таким узорчиком спереди, и чтобы на ботинках почти не было складок. Кожзам не годится, кожзам - дрянь, особенно производства фабрики "Найки". Уж лучше пирожное, например, безе с заварным кремом посередине. И чтобы чашечка кофе. И обязательно рядом лежит свежая газета Дейли Таймс, а в ней стихи "Над седой равниной моря..."

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Л. И. БРЕЖНЕВА

- Как вы знаете, во время войны дневников я не вёл, поэтому полагаюсь лишь на собственную память. Политработники, и я в том числе, первыми получали свежие газеты. В мои обязанности входило быстро их прочитывать, усваивать главное и затем использовать это при общении с контингентом. Разумеется, политзанятия устраивали прямо в окопах во время передышек между боями. Запомнился один эпизод. Я в окопе рассказываю о Курской дуге, и вдруг метрах в пятидесяти от нас раздается взрыв. Проходит пара минут – и еще один взрыв уже метрах в двадцати от нас. Явно немцы пристреливаются, и следующий снаряд должен быть "наш". Разумеется, я прерываю занятие и отдаю команду "ложись". Все кроме одного легли сразу. А этот, видимо, плохо слышал, как-то подался вперед, воздел руки к небу и кричит: "Смотрите!"

Ну, мы все уставились на небо. А там... Как бы объяснить... Я в Бога никогда не верил, да и по статусу мне положено быть атеистом, но даже я в эту секунду засомневался. Там прямо на облаках, как говорят попы, лик божий. Размером с дирижабль не меньше. Волосы курчавые, борода, глаза огромные. Смотрит на нас с укором и одновременно с иронией. Чем вы, мол, тут занимаетесь? И вроде, губами шевелит, пытается что-то сказать, но не слышно - кругом стреляют. Ну, я прыгнул со всеми в траншею. Тут взрыв, совсем рядом. Когда очнулся, уже засомневался, а было ли видение на небе, или всё это от контузии. Позже оказалось, не я один это наблюдал. Рядовые несколько раз ко мне приставали, объясните, мол, Леонид Ильич, с научной и коммунистической точек зрения. Я, как мог, отшучивался и они потом отстали. Умные люди рассказывают, мол, внизу стоял диапроектор, а

облака - как бы, экран. А шевеление губами, мол, от движения этих облаков. Но что теперь обсуждать!

В голове этот эпизод еще долго крутился. И вот, смотрите, иду всего год назад по коридору Дворца Съездов, а навстречу какой-то маленький, неприметный типчик. И чувствую, где-то его видел. Поравнялись, он на меня зырк... и тоже как будто с укоризной и иронией одновременно. И тут у меня мурашки по коже - его это был лик на небе, точно его! Я через Андропова потом узнавал. Говорят, это работник партархива. Я спрашиваю: и всё? Они мнутя, мол, а что, ну работник и работник... Но потом раскололись. Имеется, говорят, одна странная фотография - мне её продемонстрировали. Снимок, между нами, датированный 1860 годом, то есть сто лет прошло с гаком, да, товарищи. И там этот хлыщ запечатлен на рынке в Уфе с корзинами урюка. Когда я посмотрел на фото, меня снова пронзило до самой, извините, жопы, о чем сейчас даже неудобно говорить. Я быстро отвел глаза и больше о нем не спрашивал. Фамилию его тогда запомнил, какая-то на пэ, а сейчас вылетела из головы. Не хочу больше о нем, давайте сменим тему. А если вы такие любопытные, вы лучше к Юрию Владимировичу обратитесь, скажите, что от меня, он вам всё, что надо, растолкует. Запомните на всю жизнь.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ПЕКУРОВКИЙ

Пекуровскому не нравилось, что Лев Толстой ходит босиком по грязной земле, а потом разводит эту грязь по всему дому. Он даже как-то высказал претензии, но Толстой не обратил внимания, вероятно о чем-то серьезном думал.

РЫБАЛКА

- Была такая история, - начал Григорьев, - Однажды я забросил удочку и ждал поклёвку. Ждал, не побоюсь сказать, целых три часа. Так и не дождался.

- А потом?

- А что потом? Смотал леску и вернулся в школу вести занятия.

Все помолчали.

- А вот у меня был другой случай, - раздался голос Винокурова, - Я однажды пришел ловить рыбу, а на берегу загорает блондинка. Ну познакомились, потом в ресторан, тудэм-сюдем, ну и, в конце концов, решили пожениться.

- Ну и?

- Что ну и? У нас уже двое внуков. Ничего интересного.

Все снова помолчали.

- А я вообще не ловлю рыбу, - сказал Фалин, - Мне её жалко. Ты же убиваешь жи-во-е! Каждый ёршик - чей-то сын или чей-то дедушка! Вот ты представь, твоего дедушку поймали, и срезают с него кожу. Ножиком. Чтобы потом его поджарить. А, каково?

Все поморщились и снова замолчали. Тёмыча явно клонило в сон. Он только что вернулся с ночной смены. Сутки на работе – это вам не хрен собачий!

- Рыбалка, рыбалка... - подал голос Пекуровский, - У меня своя история. Я когда-то снимал домик в Голубом Заливе. Домик самый обычный, фанерный. До Волги минуты три пешком. Прямо за домом лес, а там грибы, ягоды, одним словом, живи и радуйся. И решил я однажды, что встану пораньше, возьму корзину – и на гору за маслятами. Как раз тогда они пошли. Поставил будильник, всё чин-чином. Утром просыпаюсь, хлебнул чайку, закусил бутербродом и выхожу на улицу. И тут вижу: какой-то мужик на горбу тащит деревянную лодку. Лодка тяжелая, а мужик хилый. Чувствуется, на последнем издыхании. Делает шаг, останавливается хрипит, стонет, но всё-таки не падает и чуть-чуть, но вперед продвигается. И вот он, с этой лодкой, уже почти со мной поравнялся. Потом поднимает голову, смотрит мне в глаза и произносит:

- Извини, друг, можно я лодку обопру о твой домик? Отдохнуть надо.

А домик-то у меня, как я уже сказал, фанерный – соплёй перешибёшь. Прислонишь к нему лодку - он и развалится. А мне потом этот домик сдавать профкому. Короче, я отвечаю, что, мол, мужик, извини, но нельзя. И он, вроде, понял, уже шаг от меня делает, но вдруг снова останавливается и хрипит, почти кричит, - я от его голоса корзину чуть не выронил:

- Хотя и многому учен ты, человек, да, видать, не те экзамены по жизни сдавал, ох, не те! И кто ж ты есмь в этом мире, знаешь ли? И станешь ты отныне вечно идти, и не будет тебе ни покоя, ни смерти! - Сказал, сделал еще два шага, упал, а лодка на него – задавила мужика так, что оттуда ни звука...

- А дальше? – спросил Григорьев.

- А дальше всё, как в тумане. Я тогда, кажется, был в состоянии аффекта. Показалось, вроде бы, я уже слышал эти слова, но не помню, когда и где. И будто бы я – это совсем другой человек. И холод в сердце. Говорят, я тогда потерял сознание. Потом, вспоминаю, какие-то люди откачивали. Когда я очнулся, первым делом спросил об этом мужике с лодкой. А они лишь руками разводят, мол, ты о чём? Действительно, был ли этот лодочник на самом деле, или померещился? А, может быть, это во мне говорил внутренний голос? Вот вам, блин, и рыбалка...

ПЕКУРОВСКИЙ И ПУШКИН

Пекуровский хотел стать как Пушкин, даже лучше, поэтому с детства учился стрелять по движущимся мишеням.

- Мазила ты, безнадежный мазила! - приговаривала жена, наблюдая, как муж стреляет.

Мазила мазилой, а вот стихи Пекуровский мог написать на любую тему и, говорят, весьма даже неплохо.

ПЕКУРОВСКИЙ И КОЛБАСА

Колбасу в глубинках страны продавали, но с приключениями. Бывало, Пекуровский занимал очередь в семь утра и только к четырем дня добирался до кассы. Очередь изгибалась в длинный хвост на улице, а после обеда уже петляла внутри магазина. За день стояния очень хотелось есть и писать (с ударением на первый слог).

- Вот ведь, - думал Пекуровский, - как это важно, правильно поставить ударение.

Стоявшие перед ним интенсивно двигались и подпрыгивали. Если кто-то приносил магнитофон и включал его, движения становились синхронными. Даже кассирша старалась нажимать на клавиши в такт.

- До-ктор-ска-я! - подпевали люди под "Вай- эм-си-эй".

- УМСА - это какая-то антисоветская организация, - помнил Виктор и не подпевал. Но танцевал он неплохо, людям сзади нравилось. На стенах магазина располагались плакаты с призывами, а также картины Шишкина. Пекуровский любил Шишкина. А Шишкин, как бы это не обидно сказать, был уже в годах и путался в своих знакомых. В те годы к нему была приставлена нянька, его ежедневно посещал доктор, который выслушивал родственников и сочувственно кивал. Будучи в не совсем трезвой памяти, Шишкин вспоминал охоту, медведицу и трех медвежат, бегающих по сосне. Это был Елабужский лес. Да, именно Елабужский. Тогда выдался на редкость солнечный день. А Шишкин - Шишкин всегда брал в лес охотничью собаку - спаниеля по кличке Сеня.

- Сеня, дичь! - командовал Шишкин. И пока спаниель бегал за бабочками, художник расставлял мольберт, садился и надолго задумывался. Годы шли непростые. Да и вообще, кому сейчас легко!

СЫНОВЬЯ

У Пекуровского было два сына, оба умные, поэтому он часто с подозрением поглядывал на свою жену.

В РЕДАКЦИИ

- Вот, Вы написали: "Сушков вошел в трамвай и сел на заднее место." Вы понимаете, что это, как минимум, двусмысленно?

- Конечно понимаю, - отвечал Пекуровский. Беседа происходила в небольшом офисе газеты "Ленинец" при Энском Университете.

- Конечно, понимаю, - повторил Пекуровский, - Мне казалось, будет смешно.

- Х-м, смешно... возможно и смешно... Ну а дальше: "Сушков выглянул в окно. Видны были летящие по небу облака, а за ними ангелы." Написано, кстати недурно. Но скажите - Вы это серьезно?

- Ну, каждый это поймет... в меру своей испорченности. - Пекуровский посмотрел в глаза редактору. Редактор был девушкой 90-60-90, блондинкой, на вид лет 25, маникюр, каблуки, аромат духов «Красная Москва.» Взгляды их встретились. Наступила неловкая пауза, после которой, они знали, может произойти всё, что угодно.

В этот же самый момент к остановке "Парижская коммуна" подъехал трамвай номер пять. С улицы был виден очкарик, развалившийся на заднем сидении. К нему подсел точно такой же очкарик.

- Привет, - сказал второй очкарик первому.

- Привет, - парировал первый, - Ты слышал, Сушков-то наш, а?

- То-то, - подтвердил второй.

Трамвай закрыл двери, и двинулся, сначала медленно, потом быстрее, потом еще быстрее, потом перешел на спурт. Гремели колеса, гудели провода, и пассажиры покачивались в такт движению. За окном быстро темнело. Лето, как я его люблю!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВЛАДИМИРА УЛЬЯНОВА

... В те годы я проживал в Цюрихе. С Надеждой Константиновной мы снимали небольшие апартаменты почти в самом центре города. В квартале от нас имелась неплохая кофейня, а за углом - пивная. Товарищам я так и объяснял - хотите увидеть Старика - ищите или там, или там. Ну, а вечером

я возвращался домой, мы с Надей ужинали и ложились спать. Надя готовила как правило, цыплёнка, иногда гуляш. Мы не бедствовали, но и не шикавали. И вот в один из вечеров я возвращаюсь домой, а в прихожей стоят незнакомые ботинки. Я не то, чтоб почувствовал неладное, но как-то, знаете, напрягся. Захожу на кухню. Там - незнакомый молодой человек. Сразу вскакивает: "Извините за вторжение. Вы меня, конечно же, не знаете. Я, - говорит, - дальний родственник Фрейда. Мне много о Вас рассказывали. Не могли бы вы помочь мне вступить в члены КПСС?" Ну, я его экзаменую. "Что, - спрашиваю, - должна делать молодёжь?" Он "Учиться, учиться и учиться." Я: "Ну, хорошо. А дайте мне определение материи?" Он: "Это, - говорит, - философская категория для отображения объективной реальности, которая копируется, фотографируется..." Я: "Стоп. Чем фотографируется?" Он: "Ну, например, фотоаппаратом." Вроде, всё правильно. И про ум, честь и совесть знает, и про кино. Ну, я выписал ему партбилет, пожал руку, а потом спросил: "А членский взнос?" "Я, - говорит, - членский взнос, пока Вас не было, отдал Вашей жене." Я на Надю гляжу, она так потупилась и шепчет: "Отдал он, отдал." Выпроводил я этого хлыща за дверь, сославшись, разумеется, на конспирацию и больше его в жизни не видел. Потом, говорят, он приходил к Мартову и проделал с ним тот же трюк. А Троцкого он вообще надул. Позвонил, и женским голосом блажит, что он, мол, Фрида Кало, ля-ля тополя, огонь под кожей. Ну, тот расчувствовался, про любовь ему шепчет. Эти, блин, евреи... родственники Фрейда, одним словом.

ПЕКУРОВСКИЙ И МЕТРОПОЛИТЕН

- В Казани построят метро, - возбужденно говорил Пекуровский. – В-первых, у нас уже родился миллионный житель...

- Это, случайно, не ты ли? – ехидничали друзья.

- А во-вторых, - продолжал Пекуровский, - две первые станции назовут Университет и Дом Пекуровского.

Надо сказать, что слухи о строительстве метро шли во многих городах. Сам Пекуровский относился к слухам настороженно и без повода старался не выпячивать свою выдающуюся личность.

Однажды в вечерней газете поместили карту будущего метро. Там была нарисована единственная линия, на концах которой виднелись кружки с названиями "Университет" и "Героев Татарстана".

- Хорошо, пусть будет "Героев Татарстана" - думал Пекуровский, оглядывая территорию возле своего подъезда, где экскаваторы, потихоньку, начинали рыть землю.

У СТОМАТОЛОГА

- Пожалуйста не закрывайте рот. Я сейчас буду сверлить вам дырочку. Ваше лицо мне знакомо. Вас ведь Виктором зовут? Не отвечайте, не закрывайте рот. Ну, конечно, я же помню. Вы с женой тогда только приехали и учили английский. А проверяли ваши знания в рыбном магазине. Каждый из вас ко мне подходил и просил «паунд оф салмон». А я делала вид, что вас понимаю. Да, это была я. Пожалуйста не шевелитесь, я еще сверлю. Да, я тоже приехала в один год с вами, тоже учила язык и подрабатывала в рыбном. Это я потом уже сдала экзамены на дантиста. А тогда зарабатывала, как говорится, чем могла. Ну, и в рыбном магазине, в том числе. Мне объяснили, это хороший старт. Каждый вечер, вы знаете, непроданную рыбы списывают, можно немножечко взять себе на ужин. Немножечко рыбы, это гораздо здоровее, чем мясной шницель. Поэтому я не так располнела, как ваша супруга. Ой, извините, не хотела обидеть... Лучше не двигайтесь. У вас замечательная супруга. Я уверена, замечательная. Порядочная женщина, я уверена. И дети у вас тоже ничего, я их видела. У старшего уже есть девушка? Что? Лучше не отвечайте. Что? Я не поняла. Держите рот открытым. Надо, чтобы хорошая девушка. Сейчас закройте рот и сплюньте три раза через левое плечо. Сплюнули? Открывайте снова. Вы здесь известный человек. Я видела ваше фото в газете. Что? Пока не отвечайте. Я, когда продавала рыбу, смотрела на Вас и думала, сохранится у меня хорошая фигура, или нет? Вот потрогайте

бедро. Упругое? Упругое? Не отвечайте, я сверлю вас дальше. А как вам больше нравится, сидя или лёжа? Я могу сверлить вас сидя, ели попросите. Что, предпочитаете лёжа? Сейчас многие любят сидя. Нет, не отвечайте. Сейчас можете закрыть рот. Давайте я на вас посмотрю. Нет, молчите. А Вы совсем не такой, как на фотографии, Вы еще красивее. Так Вы сказали - лёжа? Ну что Вы такой нерешительный? Нет, не отвечайте. Я буду сверлить. Я буду сверлить Вас до упада. Вас никто и никогда не будет сверлить так, как это делаю я. Я уверена, ваша бормашина... она тоже неутомимая... ну, давайте скорее, глупый, следующий пациент через час, мы можем не успеть...

ПЕКУРОВСКИЙ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Из достижений научно-технической мысли Пекуровский больше всего любил мобильный телефон и фейсбук. В мобильный телефон он фотографировался, а фотографии помещал в фейсбук. Прочие достижения научной мысли Пекуровский тоже любил, но существенно меньше. А всё другое, которое, на его взгляд, не являлось достижением научной мысли, он совсем не любил и клал на него хрен с прибором.

УБИЙСТВО НА ОТСРОВЕ ЭОС

На международную конференцию «Будущее философии» собралось 30 участников, среди которых было 29 мужчин и одна девушка. Традиционно эта конференция проводилась на крошечном островке Эос в Эгейском море. Весь остров – это, по существу, одна гостиница и прилегающие к ней причал, сад и площадка для гольфа. Участники съехались 25 марта и собрались на пленарную сессию. К разочарованию мужской части конференции, единственная приглашенная девушка на сессии отсутствовала. Посланный за ней доктор В. Пекуровский вернулся обратно лишь через час со словами: «Shit, I forgot my glasses!» и убежал обратно.

На следующий день заседания проходили по трем секциям. Ни в одной из них В. Пекуровский участия не принимал, хотя и был заявлен докладчиком по незначительной теме. Девушка же появилась, сидела на докладах и задавала выступающим в меру глупые вопросы.

Третий день конференции прошел без эксцессов: и девушка, и Пекуровский сидели на докладах, причем в разных секциях. Вечером был банкет, на котором снова девушки не оказалось. Посланный за ней молодой философ Грифит обнаружил девушку мёртвой. Тело её лежало на полу в луже крови, голова была насквозь прострелена. Рядом с телом находилась книга «Материализм и эмпириокритицизм» подарочного издания.

С материка был тотчас же вызван следователь Теодоракис. Тот приплыл на глиссере и сразу же отдал распоряжения: с острова никого не выпускать, в комнату к покойнице не заходить, всем гостям идти спать в номера, а завтра в девять утра общий сбор в конференц-зале.

На подозрении у Теодоракиса имелись 29 философов и двое работников отеля: консьерж-уборщик и повариха. По спутниковым фотографиям было сразу же выяснено, что к острову в день убийства никакие посторонние суда не подплывали. Фамилия погибшей девушки была Люксембург, связи её с кем-то из потенциальных убийц пока не прослеживались. В девять утра, в конференц-зале Теодоракис объявил о том, что следствие продвигается успешно, что до его окончания все подозреваемые должны оставаться на острове, днём можно заниматься чем угодно, а в семь вечера всем снова собраться в банкетном зале, так же, как накануне – это нужно для следственного эксперимента.

По требованию греческой полиции на остров ЭОС была завезена большая партия продуктов и спиртного, и кухарка с консьержем весь день возились на кухне, занимаясь приготовлением пищи. Вечером состоялся еще один банкет, с поднятием, как и полагается, тостов за философию, науку, здоровье, море, Грецию и всё такое прочее. Следователь Теодоракис присутствовал на банкете, выпивая вместе со всеми, дабы втереться в доверие и понять детали убийства. Философа Грифита снова посылали как бы за девушкой, и он как бы шел в её номер и как бы возвращался ни с чем.

Никаких улик в первый вечер собрать не удалось, и Теодоракис вынужден был продлить расследование на неопределенный срок. Прошло две недели. Ежедневно к острову причаливал баркас с запасами еды и питья.

Участники конференции днём играли в гольф и загорали, а по вечерам собирались и праздновали прошедший день, одновременно как бы помогая Теодоракису с его следственным экспериментом. Ещё через неделю философы начали роптать. Они соскучились по женскому вниманию и требовали от Теодоракиса вызвать на остров своих жен и подружек. Следователь проявил человечность и согласился с доводами. Постепенно на остров стали прибывать женщины. Надо сказать, что жены или девушки были не у всех философов, в частности Пекуровский на тот момент был одиноким мужчиной. Дабы не прослыть белой вороной, он вынужден был обратиться в эскортное агентство и заказал себе модель 90-60-90. Модель обходилась в копеечку, а именно тысячу долларов в сутки, но репутация была важнее.

Шли месяцы. Режим острова практически не менялся. Днём гольф и пляж с коктейлями, и банкет вечером. В штат отеля пришлось добавить две новые единицы: уборщицу и еще одну кухарку. Философы держались достойно, хотя иногда между их женами возникали взаимные шипения, переходящие в надувание щек и публичное игнорирование друг друга. Иногда казалось, что следователь близок к разгадке и вот-вот назовёт убийцу. Но очередной банкетный вечер так ничем и не заканчивался. Когда исполнился год со дня убийства, на остров прибыл префект из Афин и объявил, что у следствия закончились финансы. Департамент полиции принял решение распустить всех по домам. Расследование будет продолжаться, заверили их, но уже дистанционно, с применением современных технологий, навроде скайпа и ватсапа. Всем подозреваемым, их женам и подругам, а таже уборщицам, консьержу и кухаркам монотонная жизнь на острове изрядно надоела, поэтому они даже обрадовались переменам. Пекуровский расплатился с эскортной подругой, поцеловав её на прощание в лобик и улетел в свой Тель-Авив.

Теперь вкратце о том, как всё происходило на самом деле. В 19:00, в день закрытия конференции, все мужские её участники собрались в банкетном зале. Убедившись, что девушки, которую, как мы теперь знаем, звали Люксембург, на банкете нет, в 19:21 в её номер послали философа Грифита. Примерно в 19:23 Грифит постучал к ней в дверь. «Кто там?» - раздался женский голос. «Сто грамм,» - парировал Грифит. Дверь отворилась, и Грифит увидел Люксембург. Её глаза блестели, а в руках она

держала пресловутый томик с названием «Материализм и эмпириокритицизм». Грифит, как мы узнали спустя годы от его правнуков, страдал опасной формой мании преследования. По какой-то не совсем понятной причине он вдруг решил, что от девушки исходит опасность, достал из кармана пистолет и выстрелил ей в голову. Затем, испугавшись от вида содеянного, он прикрыл дверь, вышел на берег и выбросил пистолет в море. И лишь после этого он вернулся в банкетный зал, объявив всем о гибели несчастной девушки.

Жизнь Грифита сложилась весьма непросто. Спустя несколько лет, во время отпуска, проводимого на Карибском море, он застрелил свою жену, причем обставил всё точно так же, как и в вышеприведенном случае. Вызванный полицейский и в этот раз не смог идентифицировать убийцу. В последующем Грифит женился еще дважды и умудрился укокошить следующих жён тем же макаром. Лишь тогда у полиции закралось подозрение, и Грифита вывели на чистую воду.

Почему же следователь Теодоракис не раскусил Грифита сразу? Возможно, по неопытности. Однако, злые языки утверждают, что Теодоракис всё понимал, но решил затянуть следствие поскольку любил пляжи, гольф и выпивку. Кстати, к нему на остров тоже приезжали какие-то женщины, которых он представлял философам, как, якобы, своих коллег. К сожалению, сейчас уже не спросишь Теодоракиса о том, что он тогда себе думал: спустя месяц после роспуска философской конференции Теодоракис был найден задушенным возле департамента полиции города Олимпия. Насколько нам известно, убийц его так и не нашли.

ПЕКУРОВСКИЙ И ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Пекуровский очень любил котов, особенно пушистых. Он сам имел пышную шевелюру, и, вероятно, поэтому испытывал симпатию к себе подобным.

-Давай заведем кота, - периодически предлагал он жене. Жена не реагировала и занималась домашним хозяйством. Первые годы совместной жизни Пекуровский заводил в основном детей.

Когда дети выросли, Пекуровский снова предложил супруге завести кота.

-Я его отдрессирую, он будет делать стойку на задних лапах. К тому же выловит в подвале мышей.

На этот раз жена довольно быстро согласилась, но при условии, что кот будет собакой. Вскоре в семье появилась такса по имени Чапа. Пекуровский учил её стоять на задних лапах, мяукать и ловить мышей. На конкурсе собак Чапа ничего особенного не выиграла, однако Пекуровскому вручили грамоту за участие. Он приколот эту грамоту к стене, чуть повыше экрана компьютера, периодически смотрел на неё и мечтательно вздыхал. Рядом с грамотой виднелась фотография жены. Взгляд супруги был строг и устремлён в будущее.

МАРК ТВЕН И ЕГО ДОМ

Справа от Марка Твена жила писательница Гарриет Бичер-Стоу. А через дорогу снимал квартиру какой-то хмырь, о котором и говорить не стоило. В описываемые годы Бичер-Стоу была в маразме, путала свой дом с соседским, и её часто находили мирно спящей в постели Марка Твена, которого она ассоциировала с дядей Томом. А хмырь - тот, который через дорогу, в гости не напрашивался, ходил всегда бочком и, если и кивал головой, то непонятно в чью сторону. Но однажды всё-таки зашел к Твену и прямо с порога начал орать:

- Ваша женщина, - кричал он, - пришла ко мне в квартиру и орудует там на кухне! Сейчас же прогоните её и заберите к себе!

Разумеется, женщиной, зашедшей в его дом, оказалась неменяемая Бичер-Стоу, и Марк Твен был здесь совершенно не при чём. Однако молва разнесла это как очередную шуточку великого автора.

Действительно, Марк Твен, бывало, шутил, и многие его фразы разошлись на цитаты.

- Не могли бы Вы, - просил его как-то раз Пекуровский, - упомянуть в одной из Ваших шуточек меня, причем так, чтобы я выглядел в приличном свете?

- Что ж, попробую, - пообещал Твен, но вскоре забыл об этом. А Пекуровский постеснялся напомнить, поскольку был человеком скромным. Вообще, скромность украшает человека, и мне нечего к этому добавить.

В ТЕАТРЕ

- Я театралка, - рассказывала Фаина Бенедиктовна Симанович, - Хожу на каждую премьеру и билеты беру то в партер, то на балкон, то в ложу. Ну, туда, где они еще не раскуплены. И – в это трудно поверить, но факт(!) – где бы я ни села, всегда рядом со мной оказывается кто-нибудь храпящий. Начало пьесы я смотрю в относительной тишине, а где-то минуты с пятнадцатой около меня раздаётся сначала свист, а потом и кондовейший храп. При этом так громко, что реплик актёров почти не слышно! Я проверяю - ближайšie ко мне зрители не спят, храпит кто-то из тех, кто сидит на отдалении. Но я ни разу не смогла этого человека разглядеть! Я стала брать в сумочку яблоки. Если увижу этого гада, запущу в него. Да, беру еще маленький фонарик. Иногда подсвечиваю соседей, но храпят явно не они! В общем, пока всё безрезультатно. Этот мужчина где-то близко, но всё еще скрывается от меня.

- А Вы уверены, что это мужчина, а не женщина? – ехидно спросил Пекуровский.

- Тише, - ответила Фаина Бенедиктовна и поднесла свою маленькую ручку к его удивленным губам. Затем она села к нему на колени и продолжила шепотом:

- Я уверена, что это мужчина. Настоящий мужчина. Когда я думаю о нём, у меня напрягаются мышцы ног и, боже мой, набухают соски. В зале темно, и маньяку это на руку. Он хочет усыпить бдительность и убить меня! Я уверена, у него такие же широкие плечи и сильные, не знающие жалости руки, как у Вас!

- Но...

Она сдавила его губы своей ладонью, источавшей запах духов «Лаванда». Разговор быстро перешел в партер.

- Я найду, найду его, я отомщу ему, я отомщу, за всех отомщу... милый...

КОРОЛЁВ И КИБАЛЬЧИЧ

«Автор книги «Беседы Королёва с Пушкиным» многословно и слащаво описывает вклад Виктора Пекуровского в освоение космоса. Не в обиду будет сказано, но автор путает Пекуровского с Кибальчичем, а последнего с Циолковским. Как и многие, я считаю такую путаницу неприемлемой,» - записал в своём дневнике некто Винокуров.

НА ВОЕННЫХ СБОРАХ

Капитан Тихонов: Взвод, вольно. Всем сесть. Тишина! Сегодня, как и обещал, собираем и разбираем АКМ - автомат Калашникова, модернизированный. У автомата АКМ имеются следующие составные части - перечисляю: ствольная коробка, затворная рама, собственно затвор, возвратный механизм, цевьё, штык-нож, шомпол, магазин, и газовая камера (показывает на схеме). Курсант Винокуров, вы что-то хотите спросить?

Винокуров (поднимаясь): Товарищ капитан, а чем АКМ отличается от просто АК?

Капитан Тихонов: Курсант Винокуров, большое вам спасибо за совершенно логичный вопрос. Правильный вопрос, который требует разъяснения. Я за вами, курсант Винокуров, давно наблюдаю. Мне всегда нравился Ваш острый ум и особенно внешний вид. Вы и сейчас прекрасно выглядите, не так ли?

(Винокуров молчит, вытянувшись в струнку.)

Капитан Тихонов: Итак, курсант Винокуров, мне нравится Ваш внешний вид, за исключением одного... Ну, курсант Винокуров, Вы, надеюсь, догадались к чему я клоню? Нет? У вас же не застегнута верхняя пуговица на кителе. Потрудитесь, пожалуйста, застегнуть.

(Винокуров молча, лихорадочно застёгивает пуговицу.)

Капитан Тихонов: Во-вторых, подворотничок... он у Вас белоснежный, да, но всё же, надо было бы тщательнее прогладить перед занятием. Так, о

чем Вы спрашивали, курсант Винокуров? Ах, да, об автоматах АК и АКМ, какие у них сходства и различия, не так ли? А других вопросов сегодня с утра у Вас, случайно, не возникало? Нет? А, курсант Винокуров... стоять!!! Ты чё, блядь, на меня вылупился? Я те не голая баба, чтобы меня тут разглядывать. Ты, сука, у меня сегодня за занятие получишь ноль целых хуй десятых, понял! Ну-ка, блядь, вышел из строя! К доске я сказал!

(Винокуров выходит к доске, лицо его краснеет.)

Капитан Тихонов: Ну что, Виножопов, так и будешь стоять, как пидор на плацу? На зону, блядь, захотел, сука? Я, блядь, дам команду, тебя там в первый же вечер опустят и потом мордой в парашу. Понял, сука? Ну ка смирно, блядь! (подходит и бьет Винокурова в солнечное сплетение. Тот корчится от боли, падает).

Капитан Тихонов: Что, блядь, ножки не держат? Ты у меня, ёб-тать, будешь на четвереньках перед строем ползать и умолять, чтобы тебе позвоночник из спины не выдернули, падла! (Бьет Винокурова сапогом по лицу, потом в живот. У того выступает кровь).

Капитан Тихонов (нанося удары): Ты у меня, ёб-тать, говно будешь есть перед строем, понял? Ещё, блядь, будет вопросы? Ёбанный в рот! (Расстегивает ширинку и мочится Винокурову на рубашку.)

Пекуровский (из аудитории): Товарищ капитан, можно выйти?

Капитан Тихонов: Что, зассал, Пекуровский? Ладно, блядь, иди.

(Пекуровский выходит из рядов вооруженных сил и не возвращается.)

ПЕКУРОВСКИЙ И МАЛКИН

В одном из веков нашей эры жил некто Малкин. На момент повествования Малкин был доцентом, кандидатом наук. А Пекуровский в это же время был его аспирантом.

- Скоро, - говорил Пекуровский, - я защищу кандидатскую и стану таким же кандидатом, как сейчас Малкин. А Малкин защитит докторскую и станет профессором. Потом я тоже защищу докторскую и стану профессором, а Малкин станет членкором... Потом я...

Эта тирада о подъеме по служебной лестнице, как правило, произносилось долго и обычно заканчивалась тем, что Пекуровский становится президентом академии наук СССР, а Малкин – генеральным секретарем Организации Объединенных Наций. Вскоре, действительно, Пекуровский защитил кандидатскую и стал кандидатом, а Малкин защитил докторскую и был избран профессором. Всё бы так и продолжалось, однако развалился Советский Союз, и мечта Пекуровского стать президентом АН СССР превратилась в нонсенс.

ВСПОМИНАЕТ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ БУТЛЕРОВ

- Вы наверняка знаете, что порох под крепость готовил мой дальний предок – немец, взятый на службу русской армии. Фамилия его Бутлер. Человек он был, рассказывают, неробкого десятка, поэтому не побоялся остаться в завоеванной стране, даже деревню в честь себя назвал - Бутлеровка. А ведь туземцы могли всё про него разузнать и отомстить, а! Так или иначе, потомки того Бутлера обрусели. Мои родители говорили, в основном, по-русски, хотя немецкий и французский, разумеется, тоже знали. Труды по химии, в их большинстве, я читал на языках оригинала. Во времена моего студенчества уже никого нельзя было удивить терминами "брутто-формула", "валентность" и так далее. Однако, я всегда пытался представить: какой атом к какому подсоединяется. Ведь иногда выходило, что два совершенно разных вещества имеют одинаковую формулу - здесь я имею в виду брутто-формулу. Значит, - заключил я, - главным отличием этих веществ является то, как эти атомы связаны и взаимодействуют друг с другом. То есть, то, что сейчас принято называть структурой. Нет, я был далеко не первым, кто начал об этом думать - там были немцы, тот же Локк, да и мой учитель Зинин на это сильно намекал в своих лекциях. Но, так или иначе, я был первым, кто все эти наблюдения систематизировал и опубликовал отдельной книжечкой. Вообще, для того чтобы стать хорошим химиком надо многое знать, но еще важнее, чтобы руки у тебя росли из

правильного места. А то бывает, придёт имярек, поработает и оставит после себя лужу, из которой дым и смрад, а ты за ним убирай! Или вещество взвесит неправильно, в десять раз больше положит, а там взрыв! А то и просто стекляшки по ходу разобьет, уже безо всякого взрыва.

- Вы имеете в виду кого-то конкретного?

- Ну, мне неудобно здесь называть фамилии. Вы сами можете догадаться о ком идет речь. Он позже работал с электронно-вычислительными машинами, программировал тепловые градиенты, механические напряжения... там у него, говорят, неплохо получалось.

- А, так Вы имеете в виду Пекуровского? Это тот, у кого руки растут из жопы?

- Пожалуйста выбирайте выражения. Здесь всё-таки не базар, а редакция журнала. К тому же я совсем не имел в виду Пекуровского. Всё-таки Пекуровский - человек знаменитый, личность, селебрити... Он, к вашему сведению, уже наследил в самых разных областях: от теории струн до, извините, прикладной психологии. И Нобелевский комитет им не раз интересовался, но каждый раз путался, за что присудить... Ну, Организация Объединенных Наций и всё такое. Вы, конечно же в курсе, что в его честь в нашем городе названа улица?

- Большая Проломная?

- Нет, не угадали (улыбается). Да, понимаю, что шутите. Лучше оставьте эти ваши шуточки при себе и приходите завтра на семинар. Ну и, разумеется, повторите карбоновые кислоты.

В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

В классе над доской крупными буквами было написано: "Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше. - В.И. Ленин".

- Ну, а если я знаю, что знаю много? - поинтересовался Пекуровский. Мамедлинский посмотрел на того снисходительно.

- Если ты знаешь, что знаешь много, ты добейся того, чтобы знать меньше.

- А если я не знаю, что я знаю мало?

- Скорее всего, ты дурак.
- А если не знаю, что знаю много?
- Отвянь, а? - Мамедлинский начал кипятиться.
- А можно написать, - не отступал Пекуровский, - "Если я знаю, что знаю мало, - я либо дурак, либо необразованный?"»
- Срать иду, - ответил Мамедлинский и отправился в толчок.

ГАЛА

«Здравствуй, сэр Виктуар,

Меня зовут Еленой. Посоветовал мне к Вам обратиться некто Фукс, уроженец Казани, а Казань, насколько я знаю, для Вас не чужой город. Фукс рассказал, что Вы являетесь профессионалом сватовства и можете поженить, буквально, ежа с ужом. Меня интересуют люди богемы: футуристы, авангардисты. Увы, в моей Москве и вообще в России настоящих авангардистов нет, или почти нет. Надеюсь в Вашем Базельском окружении ситуация иная. Прилагаю своё фото. Мне на нём 16, но за прошедший год я почти не изменилась. Как Вы можете заметить, внешне я, увы, не слишком... Тем не менее, рассчитываю на Ваш талант и опыт. В моей платежеспособности можете не сомневаться – мой покойный дед владел золотыми рудниками в Сибири.

С уважением, Елена Ивановна Дьяконова»

«Здравствуй, Елена,

Большое Вам спасибо за высокую оценку моего скромного таланта. Да, я могу помочь. Среди моих знакомых есть трое, кто Вас, вероятно, заинтересует. Двое из них – художники-сюрреалисты, третий – поэт. Посылаю Вам их фотографии. Имена сообщу сразу же после того, как Вы переведете сумму эквивалентную сотне швейцарских франков на моё имя, банк Kreditanstalt, Zurich.

С уважением, В.П.»

«Дорогой Виктуар,

Я так рада! Мне понравились все трое, больше всего тот, с загнутыми вверх усиками. Деньги переведены, и я надеюсь вскоре узнать имена и прочие подробности. Жду с нетерпением, Елена»

«Здравствуйте, Елена,

Ситуация, как я её сейчас вижу, такова: Вы - единственная невеста, а женихов трое. При всём к Вам уважении, я не могу выдать Вас за троих одновременно. Есть варианты. Например, они могут стать Вашими мужьями по очереди. Либо Вы выйдете официально за одного из них, а двое других станут Вам любовниками. Пожалуйста напишите, какой из вариантов Вам наиболее подходит. И, если Вы остановитесь на первом варианте, укажите пожалуйста очередность ваших будущих сожителей. Остальные детали – после получения перевода в 500 швейцарских франков на тот же счет.

С уважением, В.П.»

«Дорогой мой друг,

Вы меня интригуете, так что я готова отдаться, в том числе, и Вам! Давайте возьмем вариант где-то между первым и вторым. Тот, с усиками, пусть будет моим последним мужем, а первым – один из двух остальных, неважно кто. Вы так и не сообщили их имена, пожалуйста не тяните более.

В ожидании, Елена.»

«Здравствуйте, Елена,

Ну что ж, раз вы готовы, переходим к действию. Не могли бы Вы приехать в Люцерн в середине мая? Я встречу Вас на вокзале и отвезу в санаторий, где случайно будет находиться один из женихов. Его зовут Поль, он поэт. Его фамилия Вам вряд ли знакома. Однако, почти уверен, что, встретив Вас, он напишет то, что принесет ему мировую славу. Кстати, из достоверных источников знаю, что ему не нравится имя «Елена», поэтому представьтесь как-нибудь по-другому, например скажите, что вы Галя. Спасибо Вам за денежные переводы. Как Вы понимаете, каждый следующий будет весомее предыдущего. На этот раз 1000 франков на тот же счет.

С уважением, В.П.»

«Ах, Виктуар,

Мне кажется, Вы способны делать невозможное! Поль очень страстный и романтичный, и я счастлива замужем за ним. Но я в предвкушении чего-то нового, ещё неизведанного! Где и как я встречу моих следующих мужчин? И каковы, черт возьми, их имена?

С придыханием, Гала (да, зовите меня теперь так)»

«Здравствуйте, Гала,

Я рад, что всё идет по нашему с Вами плану. Пожалуйста предложите Полю посетить Германию, и обязательно заезжайте в Кёльн. Там сейчас проходит выставка художников-авангардистов, и на ней как бы случайно вы увидите Макса (таково имя Вашего второго избранника). Я предупрежу его о Вашем визите, ну и дальше всё будет зависеть только от Вас. Пожалуйста не забудьте перевести 2000 франков, номер счета не изменился.

С уважением. В.П.»

«Дорогой мой,

Втроём, это так здорово! Перевожу Вам в благодарность еще 10000 франков.

Ваше Гала»

«Здравствуйте, Гала,

Очень рад Вашему счастью и очень благодарен Вам за щедрый перевод. Думаю, что раз Вы так довольны с двумя мужьями, то с тремя Вам должно стать еще интереснее. В ближайшие две недели постарайтесь подъехать в Барселону и загляните там на выставку некоего Сальвадора Дали. Я дам ему знать и, уверен, всё у вас сложится наилучшим образом.

Обращаюсь к Вам с ответной маленькой просьбой. Не могли бы Вы при знакомстве попросить Сальвадора больше не рисовать Ленина с голой задницей? Это сильно претит моим друзьям-марксистам. Да, и при случае передавайте привет моему приятелю Фуксу. Помню его, хотя с годами память слабеет – да-с!

Будем здоровы, В.П.»

ЭПИДЕМИЯ В АФРИКЕ

Это случилось во время Англо-Бурской войны. В 1899 году для разблокирования местечка Кимберли британское командование направило туда Первую пехотную дивизию под командованием барона Мэтьена. 23 ноября дивизия вступила в бой с отрядом буров. Буры сражались отчаянно, и обе стороны несли серьезные потери. С наступлением темноты британцы отошли на заранее подготовленные позиции, где уже были вырыты окопы, имелись полевая кухня и лазарет. В ту осень рядовых и офицеров мучил недуг, который врачи именовали дизентерией. Зараженные постоянно бегали в кусты, дабы опорожнить кишечник, многих рвало, и люди быстро теряли в весе. Каждое армейское утро начиналось с построения, во время которого командиры докладывали о здоровье у их подчиненных. Людей с подозрением на инфекцию выстраивали в отдельный взвод и вели в медицинскую часть на анализы.

Ранним утром 24 ноября пехотинец Тим Уиллард почувствовал неприятную боль внизу живота. Выскочив из окопа, он пробежал шестьдесят футов до ближайших зарослей, где с удивлением обнаружил своего сослуживца Уилли Квака, который, как выяснилось, уже начал справлять большую надобность.

- Тим Уиллард, и Вы тоже? – поинтересовался Квак.

- Очень рад вас здесь видеть, мистер Квак, - образцово ответил Тим и примостился рядом.

- Говорят, тут ползают ядовитые змеи, - продолжил беседу Уилли.

- Да хоть динозавры, - пробурчал Тим, и из него с шумом потекло.

Через два часа началось построение, на котором больных попросили выйти из строя. Тим и Уилли не преминули это сделать. Больных опять оказалось довольно много, и их повели в санчасть. Там царствовал лейтенант медицинской службы Рон Льюис.

- Джентльмены, - скомандовал медик, - Пожалуйста постройтесь в один ряд вдоль линии этого забора. Сейчас вас обойдет мой ассистент, который вручит каждому две четвертинки The London Gazette. Вы должны положить одну из четвертинок за своей спиной, затем присесть над ней и выложить

туда образец ваших экскрементов. Затем вам следует тщательно вытереть заднее отверстие второй четвертинкой и положить кусочки бумаги рядом.

Всё было исполнено по команде раз-два. Далее пехотинцам велели встать и надеть галифе. Затем мистер Льюис обходил военнослужащих и, глядя на листки The London Gazette, громко произносил: «Дизентерия, дизентерия, понос, дизентерия, понос, понос,» - и так далее.

Наш Уилли опозорился: у него оказался обычный понос на почве отравления рыбой. Таких, как он, была примерно половина состава. Врач выписал им рисовый отвар и отправил обратно в гарнизон.

Спустя годы, когда война была уже давно позади, Уилли вдруг вспомнил этот почти анекдотический случай. К тому времени он работал служащим в банке, куда ему помог устроиться приятель сестры, модельер и ростовщик Виктоуар Пекуровски.

ДЕТИ

- Откуда у нас столько детей? – поинтересовался как-то раз у жены Пекуровский.

- Ну, некоторых я родила, - ответила супруга, - а остальные пришли к нам в гости.

- А, понятно, - произнёс Пекуровский и отправился к себе в комнату дописывать статью, которую он на следующий день должен был отправить в Журнала Прикладной Археологии.

ВСПОМИНАЕТ ИОСИФ БРОДСКИЙ

Город Анн Арбор, штат Мичиган, стал моим первым местом жительства в США. Почему именно Анн Арбор? Потому что там находилось русскоязычное издательство «Ардис». Его хозяин, славист Карл Проффер, по совместительству работал профессором в местном университете. Он же

и устроил меня туда читать лекции по русской поэзии. Однажды Проффер зашел в мой офис и спросил:

-Знаешь ли ты, Иосиф, какой знаменитый человек живёт по соседству?

Оказалось, что всего в сорока минутах езды от нас есть скромный городишко Трой, где проживает ни мало, ни много сам Виктор Пекуровски! Ну, я тут же набрал его номер, скромно представился. Пекуровски немного слышал о моих стихах, и мы договорились о встрече.

Но всё это присказка. А теперь будет история. Прибывши в Трой, мы, вроде бы, подъехали к правильному дому, тому что указал нам сам Виктор (у меня на бумажке был записан адрес). Позвонили в дверь. К удивлению, нам открыл пожилой китаец.

- Ни зай жао ши? – примерно так он спросил, если я правильно воспроизвожу транскрипцию.

- Извините, а как нам найти Виктора Пекуровски? - поинтересовался я на плохом английском.

- А-а, Моссад, Моссад.... - китаец заулыбался и показал куда-то налево. Действительно, там, налево нас ждал сам Виктор Пекуровски.

УЖИН

- Что у нас сегодня на ужин? – поинтересовался Пекуровский.

- То же, что и вчера, - ответила жена.

Пекуровский пытался вспомнить, что же было вчера, но в голову, как назло, лезла песенка «Ах вернисаж, ах вернисаж.» Так и не вспомнил.

ХАРРАСМЕНТ

- В десятые годы прошлого века в моду вошел так называемый харрасмент. Не могли бы вы объяснить читателям, что это такое?

- Как вам сказать... ну, например, в разговоре человек может упомянуть чикен брэст, то есть куриную грудку. И если эту фразу случайно услышит

дама, она вполне может отнести это на свой счет, обидеться и подать на вас в суд.

- То есть, нельзя было в разговоре упоминать куриные грудки?

- Не только это. Бывало, мужчина вообще ничего не говорит, просто смотрит. И если в поле его зрения оказывается женщина, она в праве считать, что стала объектом полового влечения, и тоже подать в суд.

- О-кей. То есть, в те годы было нельзя произносить «куриная грудка» и смотреть на женщину – это и называлось харрасментом. Правильно ли я понял?

- Опять не совсем.

- Хорошо, тогда поясните пожалуйста на вашем личном примере. Разрешите мне зачитать газетную вырезку, которой уже достаточно лет. «В январе, накануне церемонии вручения премии Оскар, сразу три известных актрисы – Анджелина Джоли, Скарлет Йохансон и Пенелопа Круз обвинили режиссера триллера «Мать в законе» Вука Пекуроуски в совершении харрасмента. В результате фильм «Мать в законе» был изъят из конкурсной программы, а режиссер был вынужден принести публичные извинения пострадавшим от него актрисам.» Итак, расскажите пожалуйста, что тогда произошло, и в чём три известные актрисы обвиняли вас?

- Эта история для меня памятная. Началось всё с идеи сценария, которую подсказал мой приятель Стив Спилберг. К тому времени он был слишком стар, чтобы снимать, и тут удачно подвернулся я. В сюжете фигурировали три женщины, которые образовывали как бы равнобедренный любовный треугольник. Мужчина, если он находился поблизости, попадал в их гравитационную ловушку и начинал вращаться вблизи треугольника и одновременно вокруг собственной оси. Вы конечно же знаете, что задача трех и более тел не решается аналитически. Как угодно применяйте Лагранжеву механику, либо принцип наименьшего действия...

- Однако, насколько я знаю, вы всё же пытались найти решение в рамках Гамильтонова формализма.

- Да, я записал стандартный гравитационный потенциал точечных масс, плюс кинетическую энергию...

- Пользовались ли вы сферической системой координат?

- Нет, обычной Декартовой.

- А потом вы построили математическую модель...

- Совершенно верно. И вы также должны понимать, что у этой задачи бесконечно много решений, зависящих от вводимых параметров: масс, взаимного расположения тел и их начальных скоростей.

- Вы имеете в виду не только абсолютные величины...

- Да, разумеется, векторы. Причем начальный вектор скорости эм один может выходить из плоскости же один – же два – же три. Ну и далее, надо учесть несферичность тел, которая повышает статус точечных масс до тензоров. А при больших массах надо также учитывать релятивистские эффекты, включая, например, замедление времени.

- А кроме гравитационного, рассматривали ли вы какие-либо другие поля?

- Разумеется. Каждый из героев несет в себе порядка десяти в тридцатой степени электронов и примерно столько же протонов. Если электронов больше, чем протонов, такого героя принято назвать отрицательным, ну, а если наоборот, то положительным. Есть еще и магнитное поле, которое идет от вращения...

- Отвращения?

- Да от вращения электрических диполей. Я бы посоветовал вам статью Барнса в Физикал Ревю Би за 2035 год – там всё подробно изложено. Ну а сейчас прошу меня извинить, мне опять звонят из роддома.

ВЕНСКАЯ ОПЕРА

- Когда будешь в Вене, - наставляла жена, - ты должен сделать три вещи: попробовать венский шницель, побывать в опере и обязательно поесть торт «захер». С венским шницелем всё произошло легко. После этого Пекуровский отправился смотреть оперу.

Билет на стоячее место продавался за один евро, а давали в тот вечер Дона Карлоса. Войдя в знаменитый зал и заняв положенное стоячее место на заднем балконе, Пекуровский рассматривал интерьеры. Внутри театра не было абсолютно ничего примечательного. Публика, в основном пожилая, занимала сидения, а люди помоложе становились рядом и так же, как и он,

глазели по сторонам. Когда погас свет, на сцене появились артисты и о чем-то запели.

- Это они на итальянском, - раздался громкий шепот справа.

- Смотри, вон перевод на немецкий.

- Ой, а у меня на английский.

Становилось душно. Затекали ноги. Сосед, который пожаловался на непонятный язык, долгое время крепился, но потом стал задыхаться и оседать, вероятно, теряя сознание. Вскоре после этого без чувств упала соседка слева. Персонал театра то и дело выносил то одного, то другого из еще недавно стоявших зрителей. Сквозь полуоткрытую дверь было видно, что потерявшие сознание лежат на полу, и над ними колдуют фельдшеры. А на сцене продолжали петь, делая это громко и до самого перерыва.

- Есть ли у вас торт «нахрен»? - спросил Пекуровский в буфете. Такого торта не оказалось, и пришлось ограничиться «кап оф ти».

Второе отделение сначала было копией первого: те же артисты пели непонятно что и, казалось, тоже мучались от духоты. И вот наступила кульминация: выпевая арию, один из героев, вдруг заохал, затем беспомощно попятился назад и бухнулся прямо на сцену. К удивлению зрителей, упавшего героя уносили медики в современной экипировке. Через минуту вышел старичок, вероятно администратор, и о чём-то долго распинаялся в микрофон. Публика иногда хихикала, иногда свистела – очевидно, многие понимали, о чем он говорит. Потом зажегся свет, и народ стал расходиться.

Позже, на вопросы знакомых «ну как тебе венская опера?» Пекуровский отвечал уклончиво:

- Книга лучше.

ЖИВОПИСЬ

Пекуровский рисовал, как курица лапой. Однако, в этот вечер он старался изо всех сил, копируя маслом произведение Саврасова «Грачи прилетели». Из-под кисти начинающего художника на холсте один за другим возникали грачи, крупные, величиной с индюшек, и под их тяжестью, казалось, дерево вот-вот просядет. Церковь на заднем плане заметно покосилась и

напоминала, скорее Пизанскую башню. Цель была закончить рисование к утру и явиться, как ни в чём не бывало, на колхозный рынок. Завтра обещают теплую погоду. Одну спортивный костюм и сандалии. Возьму бутерброд, яблоко и чернослив в целлофановом пакете. По дороге обязательно зайду в магазин за минералкой и посмотрю заодно, что там еще есть. Не забыть поменять батарейку в часах. Тра-ля-ля. Вечером обязательно в спортзал. А собаку – пороть, пороть!

МОЛОТОВ И АББА

В семидесятые годы 20го века ансамбль АББА был популярнее Иисуса Христа. Менеджер группы Стиг Андерсен (не путать с автором и участником Бенни Андерсеном) выступил с интересным проектом «АББА может всё». Проект был прост: АББА проводит серию эксклюзивных концертов для шведской элиты. Цены за билеты – умопомрачительные, но для членов королевской семьи вход бесплатный. Зрители, приобретая билеты, высказывает пожелание: кого из знаменитостей они хотели бы видеть на сцене вместе с АББОй. Можно назвать хоть Римского папу, хоть Далай Ламу, хоть президента США или Северной Кореи. Мы, АББА, обязуемся доставить этого человека на сцену, и, более того, он под наш аккомпанемент обязательно что-нибудь споёт. Разумеется, никаких журналистов, фотографий и видео не допускается, мероприятие сугубо закрытое.

И вот, на один из таких концертов шведская элита захотела пригласить некогда одного из влиятельнейших людей земного шара – Вячеслава Молотова. В Швеции, равно как и в других странах Европы, Молотов был крайне популярен благодаря коктейлю его имени. Ну и оставалась ещё свежей память о прошедших войнах, у истоков в которых этот человек стоял.

По иронии судьбы, в Советском Союзе в те годы о Молотове почти забыли. Его государственная карьера закончилась разоблачением так называемой антипартийной группировки Молотова-Маленкова-Кагановича, после чего Молотова исключили из партии и отправлен на пенсию. В 1978 году ему стукнуло 88, но он, как и в прежние годы, был в добром здравии. С

юношеских лет Вячеслав Михайлович любил литературу, живопись, разбирался в мировой истории, географии и других науках. Высокий, породисто-красивый, обаятельный, добрейший, отзывчивый – так говорили о нём друзья – и, если бы не сотни подписанных им расстрельных листов, то Молотова можно было бы вообще назвать душкой.

Но вернемся к АББЕ. Стиг Андерсен пошёл полуофициальным путём. Он связался со своим приятелем, неким Карлсоном, работавшим в советском посольстве. Карлсон же действовал через двойного агента, по основной работе сотрудника КГБ, фамилию которого, по понятным причинам, я не привожу, и назову его товарищ Андрей. Этот Андрей позвонил Светлане – дочери Молотова и попросил разрешение навестить её отца. Далее, в означенный день и час он стоял на пороге квартиры самого Вячеслава Михайловича.

- Здравствуйте, что привело вас ко мне? – поинтересовался Молотов, - Не хотите ли чаю? Или, может быть, сыграем во что-нибудь?

Агент КГБ оглядел интерьеры. В зале, на большом столе, была разложена политическая карта Европы, на которой стояли коричневые и красные фишки. Как позже выяснилось, хозяин квартиры придумал новую игру, которую назвал «Пакт Молотова-Риббентропа». Играть надо было двоим путем перестановки фишек по клеткам карты и «съеданием» их по специально разработанным правилам. Товарищу Андрею было не до игр, и он перешел к изложению дела, которое, в глазах Вячеслава Михайловича выглядело, как минимум, странным.

Молотову предлагалось зачем-то съездить за границу, появиться там на концерте и спеть какую-то песню с какими-то музыкантами. За это его обещают наградить похвальной грамотой. Музыка Молотов любил, но в зарубежной эстраде не разбирался и о группе АББА слышал впервые. Возможно, думал он, КГБ пытается загнать меня в ловушку. Но, с другой стороны, что нового могут они от меня получить? А вдруг всё это правда, и удастся ещё раз посмотреть на загнивающий запад? За границей я не был уже лет тридцать, да и когда ещё предоставится шанс?

Далее товарищи Андрей и Молотов обсуждали детали. Во-первых, всё будет инкогнито. Молотов получит загранпаспорт на имя Вячеслава Скрябина с проштампованной визой в Швецию. Его отвезут в Шереметьево и встретят в Стокгольме наши сотрудники. Жить он будет в квартире одного

из них в районе Гамла Стан, недалеко от ратуши. Прогулки по городу разрешены, но только в присутствии наших сотрудников. Суточные будут оплачиваться из расчета пять рублей в день. За жильё, авиабилеты и еду платит принимающая сторона. С ними же надо обсудить выступление. Возвращаться в Москву тем же маршрутом через неделю. Заработанную валюту Молотов будет обязан сдать нашему сотруднику при встрече в московском аэропорту.

Дале всё пошло по намеченному плану. В Шереметьево Молотов прибыл в пальто, кепке и затемненных очках. Товарищ Андрей, тоже в тёмных очках, подвёл его к трапу и помахал ему на прощанье длинной рукой чекиста. В Стокгольме Молотова встретил с цветами и табличкой «Skryabin» неизвестный ему человек с курчавыми волосами, весьма бойко и почти без акцента говорящий по-русски. «Виктор,» - представился он. «Вячеслав,» - ответил Молотов. Ведя личный автомобиль, Виктор рассказал историю своей семьи, начав с Авраама и Исаака, перейдя через Моисея к царю Соломону и закончив родством с Зигмундом Фрейдом. Кто такой Зигмунд Фрейд Молотов не помнил, но из вежливости не стал уточнять. Далее Виктор долго трепался о преимуществах жизни в Швеции и недостатках Советского быта. Говорил о коммуналках и хрущевках, о вонии в подъездах, где ему приходилось бывать, о брате, который уехал в Израиль, где он, почтовый работник, получает больше, чем профессор Московского университета.

Молотов в ответ молчал. Он понимал, что этот человек врёт специально, и на провокацию не поддавался.

Квартира товарища Виктора была просторной, и Молотову выделили отдельную комнату с телевизором и музыкальным центром. Среди пластинок там имелись диски АББЫ, которые Вячеславу Михайловичу предоставлялось слушать в целях ознакомления. Дни в Швеции проходили стандартно: завтрак, прогулка по центру города, небольшой шоппинг, обед в ресторане, возвращение домой, сон, вечерний приём музыкантов из АББЫ. Виктор выступал в роли переводчика и поставщика спиртного.

Девушки и парни из шведского квартета казались Молотову фальшивыми и избалованными. «Вот бы их в колхоз, или лучше сразу в Сибирь,» - размышлял он. Но дело есть дело. Из песен, которые Молотов знал, музыкантам приглянулась «Я люблю тебя, жизнь,» и они быстро

сделали ей аранжировку. По задумке Стига Андерсена, Агнетта и Фрида будут подпевать Молотову что-то типа «а-а-а», при этом делать синхронные танцевальные па. «Не волнуетесь ли Вы?» - спрашивали девушки. Вячеслав Михайлович ловил себя на том, что, действительно, испытывает творческое волнение.

В назначенный вечер к дому Виктора подъехал лимузин с затемненными стеклами, который подвёз Молотова к служебному входу ратуши. Окруженный коридором охранников, Вячеслав Михайлович вошел в здание и был доставлен в отведенный под гримерку зал. Через пять минут там появился ещё один переводчик и уже знакомые ему музыканты. Вскоре начался концерт. В первом отделении пела только АББА. «Они выступают перед Вами для разогрева,» - шутил переводчик. Потом наступил антракт, и в гримерку снова ввалились веселые музыканты, принесшие с собой фуршет для высокого гостя – сэндвичи и большой стакан с надписью «Molotov Cocktail».

И вот второе отделение, и в нём кульминация: один из бывших властителей мира выходит на ярко освещенную сцену под овации зрителей. Высокий гость поднимает руки над головой, делая символическое рукопожатие. Далее он подходит к микрофону и, как задумано, произносит небольшой спич, прерываемый переводом на шведский.

«Дорогие товарищи! Меня зовут Вячеслав Михайлович Скрябин, но многие знают меня, как Вячеслава Молотова. Я родился в Российской империи и прожил долгую и счастливую жизнь. Когда я был маленьким, меня учили играть на скрипке и писать стихи. Потом я вырос и стал революционером-подпольщиком. За это меня арестовывали и даже ссылали в Сибирь. Я бежал из ссылки. Потом я и мои друзья сделали революцию в России, которая, скажу без обиняков, радикально изменила жизнь всей планеты. Рабочие и крестьяне впервые в истории стали хозяевами своей земли, своих заводов и фабрик. Мы строили мир равенства и братства в одной отдельно взятой стране, и у нас это неплохо получалось. Но в это же время мир эксплуатации и чистогана сыпал на наши прямые и светлые дороги коварные семена терний. Потом была тяжелейшая война с фашизмом, в которой мы выстояли. Ценой огромных потерь наши войска отбросили немцев и заняли половину Европы. Мы стремились к тому, чтобы социализм победил во всём мире и в тот момент могли бы, если захотели,

присоединить к Советскому Союзу все завоёванные нами страны. А позже мы двинулись бы дальше на запад, а потом и на север, в том числе пришли бы и к вам в Скандинавию. Случись так, вы и мы являлись бы частью единого советского государства, и ваша страна называлась бы Шведской ССР. С помощью российского пролетариата вы свергли бы короля, уничтожили жирующих фабрикантов, зажиточных фермеров и прочую буржуазию и построили бы государство, где нет богатых и бедных, где обретают счастье рабочий и крестьянин. Да здравствуют трудящиеся всего мира! Долой эксплуататоров! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В зале воцарилась мёртвая тишина. Не каждый раз королевская семья и прочая элита могли слышать такие агрессивные и даже угрожающие речи. Но, с другой стороны, это щекотало нервы, и было даже любопытно посмотреть на мироустройство глазами иностранного отморозка. Вскоре зазвучала музыка, и Молотов запел «Я люблю тебя жизнь, что само по себе и не ново». Девушки из АББЫ подпевали и подтанцовывали...

На пути в Аэропорт Виктор снова трещал без умолку, твердя об идиотских правилах толерантности, введенных в говённой Швеции, о ностальгии по родине, в которой он не был уже лет десять, про то, что он с удовольствием поменяет криворылый «Вольво» на престижный «Москвич», и свою пятикомнатную квартиру на коммуналку в Кирове, который раньше называли Вяткой.

«Опять врёт и снова провоцирует,» - думал себе в усы Молотов. Прощаясь, он подарил Виктору мешочек с землёй из Подмосковья. Виктор сделал вид, что расчувствовался, даже обронил скупую мужскую слезу. Потом был самолёт, встреча с товарищем Андреем в Шереметьево и передача ему конверта с заработанными шведскими кронами. Москва, как всегда, бурлила. Гудели машины, народ толпился возле магазинов и станций метро. И никто-никто в этот день не думал о том, что на родину вернулся бывший председатель Совета Народных Комиссаров, бывший Нарком Иностранных Дел, бывший член Политбюро ЦК КПСС, великий «мистер нет» мировой политики, персональный пенсионер Вячеслав Михайлович Молотов.

ПЕКУРОВСКИЙ И КРОТОВЫЕ НОРЫ

Сушкову на свадьбу Пекуровский припёр бочонок с мёдом. Это, - говорит, – молодым на медовый месяц. Мёд был пчелиный. В те годы мёд продавался двух видов – пчелиный и башкирский. Пекуровский ничего не имел против башкир, но считал, что мёд лучше делают пчелы, поэтому всегда покупал пчелиный.

Сушков по своей профессии занимался кротовыми норами. Это такие виртуальные переходы из одного четырехмерного пространства в другое, иногда с попаданием в прошлое или будущее. Однажды, придя с работы, Сушков обратился к жене: «Ты не помнишь, это мёд бывает пчелиным, а норы кротовыми, или наоборот мёд кротовым, а норы пчелиными?» Жена насторожилась. К тому времени у них уже было двое детей, несколько внучек, намечались правнуки, в городе провели метро, а заразные эпидемии лет двадцать как миновали. «Так ты не помнишь?» - Сушков повторил вопрос. Жена пожалала плечами и отправилась на кухню готовить ужин.

ПЕКУРОВСКИЙ, СУШКОВ И ТЕРИМНАТОР

Пекуровский любил фильм Терминатор, а Сушков занимался вопросами пространства-времени. Периодически Пекуровский спрашивал, надо ли быть голым, чтобы попасть будущее. Сушков такие вопросы не любил, разрешая Пекуровскому снимать в прихожей не более чем пальто и ботинки.

ПЕКУРОВСКИЙ И МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Холодным осенним вечером 1944 года к пересечению улиц Комлева и Бутлерова подъехал мотоцикл. Из него вылез взъерошенный красноармеец и, не теряя ни секунды, вбежал в дверь госпиталя, размещавшегося в здании Государственного Института Усовершенствования Врачей. В

вестибюле его встретила девушка, они обнялись и встали, взявшись за руки. Мимо них проносился медицинский персонал, иногда проносили раненых.

- Виктор, ты пришел так внезапно!

- А разве ты перестала ждать меня?

- Как же... стою здесь весь день, не отходя от двери... у тебя холодные руки... ты мёрзнешь?

- Ну что ты, я просто хочу теплоты.

- Ты начал любить тепло?

- Когда-то не любил, сейчас люблю.

- Ты был на стрельбах?

- Да.

- Вас учили стрелять из автомата?

- Да. Стреляли по очереди. Я стоял четвертым. Так хотелось к тебе, не мог переждать трех человек у автомата.

- Ты не боишься смерти?

- Нет. Я уверен, жизнь кончается не завтра.

- А ты мог бы отречься от меня?

- Любя – никогда.

Они посмотрели друг другу в глаза.

- Я опишу нашу встречу в стихах, - подумала она, когда красноармеец ушел. До окончания дежурства оставалось ещё шесть часов.

ПЕКУРОВСКИЙ И ВАЛЕРИЯ ЗИРНИС

Пекуровский предпочитал женщин с простыми именами, навроде «Ия» или «Тая», их было легче запомнить. Женщин со сложными именами он не то, чтобы не любил, но опасался запутаться в сплетениях фамилий и отчеств. Именно поэтому у него не сложились отношения с Зинаидой Гиппиус. Уж как она писала «Виктор Рафаилович, не могли бы Вы, любезный, уделить мне хотя бы минутку Вашего драгоценного времени...», а он всякий раз

отбрыкивался, дескать «занят сейчас, суп варю, может быть завтра, лучше через месяц...» и тому подобное.

С Валерией Зирнис вышла так же незадача. И она, разумеется, писала – от том, что дизайнер, что обои и кафель, что паркет опять же, что из любой квартиры она делает конфетку, что цвет мебели и цвет глаз – это важно, и что во всём остальном она, мол, тоже пёрфект, в смысле, ничего, даже ещё как. Пекуровский, читал, улыбался, иногда бросал в фейсбук ответные реплики, но на личную встречу так и не решился. Бывало, ему поручали прибить к стене полку, он на этот случай держал дома сверло, молоток и газету «Советский электрик». На газете он раскладывал инструменты и вглядывался в бескрайнюю даль. Его глаза безошибочно определяли место, а луна – время первого сверления. Прицеливаясь дрелью в намеченный крестик, он прищуривал левый глаз и размышлял о том, как странна и парадоксальна жизнь, что уже год как саднит в пояснице, что осенью надо снять домик во Флориде и там нормально отдохнуть, и что имя «Алла» произносится легко, а другие имена сложнее. Наверное, потому что слева-направо и справа-налево - всё равно Алла. Напишу об этом, как её – он пытался вспомнить ту самую, сокровенную, и мысленно уже распахивал полы своего лаптопа, приглашая нежными пальцами коснуться открывшейся взорам длинной клавиши «пробел». Мир – компьютер, а люди в нём – программы. Кажется, Шекспир. Да, это он.

ВСТРЕЧА В ЛИССАБОНЕ

- Я совсем иначе представлял себе этот город, - сказал Виктор, присаживаясь напротив. Лера улыбнулась.

- Мы будем на вы?

- Разумеется, - ответил он, - Ведь мы только что встретились. Так вот, когда я читал «Ночь в Лиссабоне»...

- Ремарка?

- Да, это была ремарка, - Они посмотрели друг другу в глаза и расхохотались. Беседа проходила в Институте Портвейна, расположенного на Рю святого Педро де Алкантара. Судя по меню, институт был хуже забегаловки: выпить здесь давали, но без закуски. Оба заказали по бокалу

тауни – юбилейного, двухтысячного года. Сидя напротив, Валерия, или просто Лера, пыталась уловить в облике Виктора свои повышенные ожидания. Виктор никак не вязался с образом алкаша и уголовника, который так усердно навязывал ей в личной переписке. Греческий профиль, благородная седина на висках, светло-серый костюм, синий галстук-бабочка, запонки, уверенное обращение с официантом. Отпивает из бокала маленькими глоточками, как настоящий сомелье.

- Так вот, когда я читал «Ночь в Лиссабоне», я представлял себе огромную синагогу.

- Пойдите, но у Ремарка нет никакой синагоги!

- Разумеется, нет. Однако, когда я читаю - всё, что угодно, хоть телефонный справочник - я почему-то всегда представляю синагогу.

Они опять расхохотались. Их столик был в углу, накрыт зеленой скатертью, тянувшейся почти до самого пола. По стенам располагались стеллажи с бутылками, рассортированные по годам и сортам винограда. Конторка с официантами и кассиром находилась довольно далеко, рядом со входом в заведение. Именно оттуда они услышали неестественный женский вопль, и тут же выкрик «Всем не двигаться, это ограбление!» Хриплый, пронзительный голос. Человек кричал на английском, но с сильным акцентом. Через секунду раздался звук разбивающегося стекла и ещё один женский вопль.

- За мной, - громким шепотом скомандовал Виктор и потянул Леру вниз. Почти бесшумно им удалось разместиться на полу, в сантиметрах друг от друга. Скатерть укрывала их от остальной части зала.

- Т-с-с, - Виктор приложил палец к губам.

«Ну вот, дура, опять влипла в историю, - подумала она, - Надеюсь, эти сволочи заберут у кассира выручку и уйдут. В крайнем случае, отдам кошелек.» Лера выглянула в небольшой просвет между складками скатерти. Двое мужчин в черных куртках, вероятно, грабителей, что-то объясняли хозяйке, она кивала. Посетителей было немного, они вели себя смиренно, почти не двигались. Так продолжалось несколько секунд. Вдруг один из сидевших за столиком у входа с шумом вскочил и бросился на грабителя, беседовавшего с кассиршей. Тут же раздался выстрел, нападавший безвольно шмякнулся на пол. Наступила оглушительная тишина. Второй грабитель – тот, что стрелял – начал пристально осматривать зал, и Лера

успела увидеть его красное лицо и тотчас убрала голову, скрываясь из его поля зрения. Она взглянула на Виктора. Тот снова дал ей знак «Т-с-с». Правой рукой он тянулся к стеллажу, и сумел бесшумно достать оттуда одну из бутылок.

Зазвучали медленные шаги. Один из грабителей начал обход заведения. Шаги медленно приближались. «Т-с-с,» - в третий раз дал знак Виктор. Его рука совершила быстрое движение, швырнув бутылку куда-то вдаль. Через секунду стеклянный сосуд врезался во что-то твердое, вероятно, в пол. Звук удара отвлек внимание грабителя, и этого мгновения Виктору хватило чтобы подняться, достать из внутреннего кармана пистолет и выстрелить. Грабитель упал. В следующую за этим секунду Виктор присел, на колени, так что из-за стола виднелась лишь его голова, и начал вести, беспорядочную стрельбу, сбивая бутылки на стеллажах. В зале поднялась паника. Мужчины и женщины в ужасе и с визгом бросались на пол. В промежутке между сериями выстрелов, Виктор подал спутнице руку и, скорее глазами, нежели голосом, скомандовал: «За мной.» Он потащил её к черному ходу. «Откуда он всё знает?» - успела подумать она.

На улице их ждал серебряный Шеви-кабриолет. Виктор подхватил даму на руки и усадил на пассажирское сиденье.

- Объясню позже, - сказал он, угадывая её вопрос.

Включив зажигание, он рванул с места и быстро вырулил на Рю Алекрим, идущую в сторону реки. Двигаясь в трафике, Виктор внимательно смотрел в зеркала заднего вида. В том, что за ними хвост, сомнений не было. Он лишь пытался выяснить, сколько там машин. Поворачивая то вправо, то влево на светофорах, он следил за сопровождением. Машин было две. Целых две. Или всего две – непонятно, что лучше. Два черных джипа-чероке. Впереди открывалась река.

- Сейчас мы въедем на мост, - сказал Виктор, - Примерно на середине я разверну машину, и Вы пригнитесь так, чтобы закрыться от пуль. Понятно?

Она кивнула. «Настоящий джентльмен, - пронеслось в её голове, - с дамой всегда на Вы.»

- На всякий случай возьмите вот это, - он открыл бардачок и протянул ей короткоствольный автомат. Давя изо всей силы на газ, Виктор смог немного оторваться от погони. Затем он резко затормозил и развернул кабриолет на сто восемьдесят.

- Пригибайтесь, - шепнул он и тут же несколько раз выстрелил в сторону погони. Черные джипы остановились. При не слишком ярком освещении, Виктор увидел число нападавших – их было четверо. Они выскочили наружу, расположились за автомобилями и начали ответную стрельбу. Неожиданно Виктор почувствовал резкую боль в правом плече. Пиджак обогрелся кровью. «Кажется, ранен,» - успел подумать он, в то время как его левая рука шарилась под сидением. Вскоре Виктор нащупал рукоятку гранаты. Достав, он поднёс её к лицу, ухватился зубами за предохранитель и выдернул его. Далее последовал бросок. Граната упала точно в промежуток между джипами. Прогремел взрыв...

Лера навестила его в госпитале.

- Как Ваша рука, - спросила она.

- Заживает, скоро будет как новая, - он улыбнулся. Из окна палаты открывался необыкновенно красивый вид на Атлантический океан. Солнце двигалось к закату.

- С автоматом меня сюда не пропустили. Я оставила его в ординаторской. Он кивнул.

- Скажите, а Вы всегда бываете таким?

- Каким?

- Ну, как агент 007.

Виктор не отвечал. Где-то на горизонте показался силуэт парусника.

- Вы, наверное, тоже агент, - продолжала она, - Сейчас у нас многие стали иностранными агентами.

- Я иностранный двойной агент, - ответил Виктор, подчеркивая слово «двойной». При этом он так хитро посмотрел ей в глаза, что она не удержалась от улыбки.

- Через четыре часа мой самолёт в Москву. Мы ещё увидимся?

- Я Вам напишу.

Заходящее солнце ярко освещало стену напротив окна. Из коридора доносилась мелодия «The windmills of your mind» великого Мишеля Леграна.

ПЕКУРОВСКИЙ И БРИТНИ СПИРС

Однажды в дом к Пекуровскому ввалилась пьяная Бритни Спирс и попросила наркоты. В том, что это Бритни, Виктор не сомневался – он видел её в новостях. А она, кажется, Пекуровского не узнала: возможно из-за ломки, или просто сделала вид, что его не помнит. Пекуровский был человеком разносторонним и толерантным, но, к стыду своему, в наркотиках являлся полной тундрой. Взять, например, героин – надо ли его нюхать, колоть в задницу или закуривать? А если закуривать, то с какого конца? То-то.

- Уан момент, - сказал он Бритни и задумался. Может, сделаю ей укол витамином и заодно посмотрю, какая у неё по... Однако, с минуты на минуту жена должна вернуться с работы. А тут незнакомая женщина с обнаженным задом... пожалуй, нет.

Решение явилось само собой. Сказав Бритни «окей», Пекуровский ринулся в спальню и вернулся оттуда с большой таблеткой непонятного цвета.

...Приехавшая с работы жена застала Виктора за чтением википедии: он усиленно штудировал всё на «П» и переписывал в какой-то блокнотик. Бритни к тому времени и след простыл.

- Ты не знаешь, - спросила Алла, - куда девалась таблетка слабительного? Я приготовила её для собаки.

«Так это было для собаки?» - с удивлением подумал Виктор, но ничего не ответил, ещё сильнее уткнувшись в википедию и нашептывая нечто вроде «чемодан, чебуреки, Чебоксары...».

«Засранец ты мой,» - подумала в ответ жена и отправилась накрывать на стол.

ДЖЕФ БЕЗОС И ПЕКУРОВСКИЙ

Наряду с Пекуровским, в середине XXI века стал широко известен некто Джефф Безос. Безос – человек, в первую очередь, лысый, а во вторую –

богатый. Богатый – не то слово. Достаточно сказать, что он владеет компанией «Амазон дот ком», в которой моя жена заказывает себе туфли и платья. Помимо доставки одежды, Джефф Безос связан нами, то есть моей семьёй, весьма близко. Дело в том. Что наряду с «Амазоном», Безос организовал фирму по изучению космоса, которую назвал «Блю Ориджин», что переводится как «Голубое начало». Пожалуйста, не ищите в этом имени двусмысленностей. Я, например, каждое лето жил рядом с пристанью «Голубой залив», и ничего. Так вот, компания «Блю ориджин» недавно купила другую компанию - «Ханей би роботикс», членом которой является мой средний сын Лёня. И с этого момента Джефф Безос и Лёня стали коллегами, причём первый из них сейчас бегаёт начальником у моего ребенка.

Что же касается Оли, моей жены, то она к Безосу относится с долей снисходительного превосходства. Во-первых, его фирму она прилюдно называет «Блю мун», то есть, «Голубая луна», а это марка местного пива, не говоря уже о песенке Бориса Моисеева. А во-вторых, в нашей семье произошла следующая история. Оле не нравилась мебель на кухне, и она затеяла серьёзный ремонт. Например, настенные шкафчики у нас были желтыми, с вырезанными квадратиками посередине. Ну кто сейчас такое носит? Нужно сделать белые, плоские и глянцевые. Такие нам и сделали. И вот, как-то раз в интернете появилась фотография: Илон Маск напутствует своего друга Джефа Безоса перед полётом в космос. Снимок сделан на кухне Безоса, и там на заднем плане виднеются те самые позорные желтые шкафчики с квадратиками посередине. Увидев это убожество, Оля фыркнула, и с тех пор не желает слышать ни о каком Безосе. Её не привлекает даже тот факт, что Безос – человек разведённый.

В отличие от Оли, Пекуровский глядит на любые снимки спокойно, ибо его жена ремонтом не увлекается а, напротив, сама делает ювелирные украшения. И если бы существовал измеритель семейного счастья, то Пекуровский выиграл бы у большинства хомо сапиенс, включая и меня, причём с серьёзным отрывом. О Безосе я вообще молчу, поскольку тот лысый, живёт один, и о нём некому позаботиться.

НА ПАРТСОБРАНИИ

Председательствующий (с кафедры): Пожалуйста, поскорее рассаживайтесь и начнем. На заднем ряду - перестаньте шушукаться. Итак... Ещё раз... Итак, на повестке сегодня три вопроса: социалистические обязательства, приём в члены и Пекуровский. Давайте без раскачки. Итак, социалистические обязательства...

Пекуровский (из зала): Товарищ Антонов...

Председательствующий: Чего?

Пекуровский: Товарищ Антонов, у меня через полчаса важная встреча. Нельзя ли мой вопрос передвинуть в начало?

Председательствующий: Ну хорошо. Итак. Члену нашей организации Пекуровскому нужно месяц не ходить на работу. Причина серьезная. Обком партии просит нас придумать официальную формулировку.

Винокуров (из зала): Да гнать его в три шеи! (всеобщий шум)

Председательствующий: Тише, тише. Вы не понимаете текущего момента. Наша задача - сделать вид, будто всё чики-пуки... тьфу... что всё..., короче, чтобы не отпуск и не увольнение, а какая-нибудь бытовуха.

Сушков (из зала): Тогда выговор ему!

Председательствующий: Хорошо, пусть будет выговор. И такой, чтобы на месяц отстранить его от трудовых обязательств.

Винокуров (из зала): Ишь ты, хорошо устроился! Нам тут пахать, а ему выговор! (шум в зале)

Председательствующий: Тише! Эй там, сзади! Лучше подскажите формулировку - за что выговор?

Сушков (из зала): За халатность при родах! (смех)

Председательствующий: Хорошо, пусть будет за халатность при родах.

Пекуровский: Ну, это звучит как-то двусмысленно...

Председательствующий: Нормально звучит. Всё-таки мы партячейка Вахитовского роддома. Наталья Казбековна, запишите выговор в протокол. А Вы, Пекуровский можете идти. И увидимся через месяц. Итак, следующий пункт повестки: соцобязательства.

Винокуров (из зала): Увеличение числа рожениц на один процент! (шум в зале)

Демнер (из зала): Товарищи, перестаньте паясничать. Мне стыдно за вас и за наш роддом! Кто вы вообще такие, чтобы рассуждать здесь о демографии и о родах! Вы же не отличаете скальпеля от плаценты!

Председательствующий: Михаил Леонидович, успокойтесь, сядьте. Вас слышали. Да, с терминологией и навыками у нас пока проблемы. Но это всё, извините, из-за ваших коллег акушеров, объявивших забастовку. И кто теперь, по-вашему, должен принимать роды? Мы хотя бы знаем, что физикс из зе сайенс эбаут нейчур. А люди с улицы – это вообще темнота....

Пекуровский (из зала): И еще мы знаем уравнения Ленера-Вихерта...

Председательствующий: Как, вы разве не ушли? У вас же встреча?

Пекуровский: Мне позвонили, она задерживается (шум в зале).

Председательствующий: Тише. Итак, социалистические обязательства. Кто за один процент увеличения рожениц? (в зале поднимаются руки, председательствующий считает. В это время Пекуровский встает и направляется к выходу. Проходя мимо Винокурова шепчет ему "добавь в левую часть поток магнитного поля", а потом неприлично ржёт.)

Председательствующий: Большинство за. Наталья Казбековна, вы запишите «за»... Ну что, кажется, Пекуровский всё-таки ушел. Теперь без обиняков. Вы знаете международное положение. Мы в кольце врагов. Наши спецслужбы делают всё возможное... и невозможное...

Винокуров (из зала): Он что, агент 007?

Председательствующий: Ну, их шпионы думают, что он агент 007, а на самом деле он обычный долбо... Короче, он месяц будет отвлекать их агентов 007 от наших агентов. Вам понятно? И всё, закрыли тему. Переходим к приёму в члены... Сахарова здесь?... Кажется, не пришла, у неё семейные обстоятельства. Тогда на этом закончим. Все свободны. А Вы, Демнер, примите меры, чтобы рожениц стало больше. Вы всё-таки с медицинским образованием, дантист, вы кое-что умеете лучше нас.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Пекуровский, в целом одобрял теорию относительности Эйнштейна, но терпеть не мог, когда тот играл на скрипке. Эйнштейн вообще был мужик со странностями, да и Пекуровский не без них.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА

Проведя день в городских лавках и посетив рынок, Софья Андреевна возвращалась домой. Войдя в гостиную, она обнаружила там Льва Николаевича, сидящего за обеденным столом. Тот был насуплен, явно зол, взгляд его вперился в неопределенную точку пространства.

- Лёва, что с тобой? Ты не болен?

Лев Николаевич сидел, мрачнее тучи, и даже не повернул головы в её сторону.

- Лёва? Что-то случилось? Ты слышишь меня?

Он не шелохнулся.

- Что, опять приезжал Горький и зачитывал свои идиотские пьесы?

Лев Николаевич не повёл и бровью.

- А, кажется, поняла. Ты, поцапался с этим, как его, с твоим заклятым другом? С этим, как его? Ну, у которого Фрейд то-ли дедушка, то ли... Ну хватит, хватит...

Лев Николаевич молчал. За время отсутствия жены он заметно осунулся и, кажется, постарел года на полтора-два.

- Ну полно... Я начинаю догадываться. Этот хлыщ опять приехал в карете, вместе с дамой и бутылкой мадеры. Так? Даму, как всегда, запер в нашей спальне, а сам подсел к тебе и мешал работать. Я права? Наверное, опять задавал эти странные вопросы, типа, тварь я дрожащая, или не быть? Он ещё так неприятно брызгает слюной, когда разговаривает, фу...

Лев Николаевич слегка поморщился.

- ...А потом, наверное, опять рассказывал об устройстве паровоза, превращении энергии, цикле, как его, кажется Карно... И дергал за бороду...

угадала? А дама из спальни, как всегда, орала, мол, сатрапы, сволочи, почто заперли, выпустите... в дверь стучала. А вы не выпускали, да?

Лев Николаевич сидел в той же позе, хмуря брови ещё сильнее.

- Как ты его, вообще, терпишь! Почему ты его ни разу не выгнал, а? Ну, родственник Фрейда, и что теперь надо раз в неделю его кормить и ублажать? Я понимаю, если бы сам Фрейд, у того хоть идеи оригинальные, подсознание, либидо... Кстати, как насчет либидо?

Лев Николаевич, кажется, среагировал на «либидо», но виду не подал.

- Ты бы спросил его, почему он, при своём университетском образовании работает кучером... Да, кстати, подозреваю: он тебе опять выдал хлыст и предложил себя выпороть. Было такое, или это мои фантазии?

Лев Николаевич медленно поднялся со стула. В правой руке его, действительно, имелся хлыст. Повернув голову в сторону Софьи Андреевны, Лев Николаевич окинул её недобрый взглядом и вдруг щёлкнул хлыстом так, что кончик ремня угодил в оставленную на столе посуду. Домашний сервиз разлетелся на мелкие кусочки.

- Ай, ай, что ты делаешь! - заорала Софья Андреевна.

В глазах Льва Николаевича блеснул волчий огонек. Он оскалился и сделал акцентированный шаг в сторону супруги.

- А-а-ай!! - вскрикнула она еще раз и ринулась на женскую половину. Забежав в спальню, она тотчас заперлась на все замки, потом закрыла окна, зашторила их и лишь после этого почувствовала, как сильно бьётся её сердце.

...В последующие дни Софья Андреевна, как обычно, переписывала набело черновики своего мужа. Это были первые страницы «Крейцеровой сонаты».

НАСЛЕДИЕ ШЕКСПИРА

Кабинет в здании Академии Наук СССР. За столом Академик Аникин. Перед ним листы бумаги, которые он внимательно вычитывает, делая пометки. Входит академик Плунягин и сходу обращается к Аникину:

- Александр Евгеньевич, большое спасибо, что вы нашли время переговорить со мной накануне отчетной конференции.

- Ну что Вы, Владимир Александрович, я всегда рад нашему с вами общению. Что же касается времени: действительно, завтра мне выступать. Хочу подредактировать кое-какие моменты. Поэтому давайте в этот раз ёмко и сжато.

- Я Вас прекрасно понимаю. Всё-таки соберутся ведущие филологи Советского Союза! Поэтому, к сути дела. Как Вы, конечно же, знаете, драматург и поэт Уилям Шекспир оставил большое литературное наследство. Написал он так много и настолько в разных стилях, что уже давно ведутся дискуссии – а мог ли такое осилить один человек, или ему помогали другие?

- Владимир Александрович, вы смеётесь надо мной? Мы с Вами завтра будем открывать конференцию по русской, я подчеркиваю, русской, филологии. А Вы тут начали про, извините, Шекспира... быть, или не быть, вот в чём вопрос...

- В том-то и дело! Уже давно очерчен круг людей, которые, возможно, писали за Шекспира – это Меннерс, это Бэкон, это Марло, это де Вэр и... некоторые другие. Так вот, я могу Вам сообщить, что среди так называемых соавторов Шекспира был и представитель нашей страны...

- Слушайте, Владимир Александрович, я понимаю, что Вы академик, но имейте же совесть. У меня мало времени, а вы тут... Шекспир, это же начало семнадцатого века. А кто в это время правил Россией?

- Если говорить о самом начале века, то Борис Годунов.

- Ну вот, Борис Годунов. Пушкин, а не Шекспир.

- Александр Евгеньевич, пожалуйста не ёрничайте. Разумеется, я ценю ваше время. Но выслушайте меня. Буду максимально краток. Итак, я с уверенностью могу назвать еще одного соавтора Шекспира. Это наш с Вами соотечественник Виктор Пекуровский.

- Тьфу. Вы в своём уме?

- Я ожидал от Вас такой реакции. Позвольте всё же закончить объяснение. Пекуровский подсказал Шекспиру сюжет Ромео и Джульетты. Он сам когда-то был в похожей ситуации – влюбился в христианку, будучи евреем. И между родителями случилась поножовщина...

- Слушайте, откуда вам такое известно?

- Он мне сам об этом рассказал.
- Кто, Ромео?
- Нет, Пекуровский.
- Владимир Александрович, давайте всё же я Вас протестирую на вменяемость. Какой сейчас год?
- 1970й.
- А в какие годы жил Шекспир?
- Шекспир жил в разные годы.
- Ну, примерно...
- Родился в 1564м. Умер в 1616м.
- То есть, вы полагаете, что наш современник, как Вы его назвали – Пекуровский, - жил при Шекспире? То есть, ему уже четыреста лет?
- Мне это тоже показалось странным. Однако, согласно Ветхому завету, первые люди жили и по тысяче лет. Адам, Ева...
- Боже мой, разве можно ссылаться на библию, как на медицинский справочник?
- Хорошо, оставим библию. Скажите, а Вы помните фотографию в газете «Труд», после которой сняли главного редактора?
- Что-то припоминаю. Это, кажется, был снимок, сделанный в Константинополе?
- Да, в 1848 году.
- Ну, и что же там не так?
- Там заснят восточный рынок. Крупным планом продавец халвы.
- И что в этом крамольного?
- Продавец халвы оказался как две капли воды похожим на первого секретаря Ульяновского горкома КПСС Виктора Пекуровского. В ЦК пошли письма трудящихся...
- А, понятно. То есть Вы верите, что на фото 1848 года изображен наш современник?
- А Вы нет? Я Вам скажу более. О жизни Шекспира известно многое, однако есть период, о котором не сохранилось абсолютно никакой информации. Так вот, Пекуровский рассказал мне об этих годах, поскольку проживал в это время в Стратфорде на Эйвоне, по соседству с драматургом.
- И чем же, интересно, Шекспир в те годы занимался?

- Да ничем особенным. Носил воду, прибирался дома, помогал отцу продавать перчатки.

- Послушайте...

- И отца Гамлета, - уверяет Пекуровский, Шекспир писал с него. Яд в ухо – и человек становится наполовину глухим.

- А если отрезать ухо, то ван Гогом?

- Пьером Безуховым.

- Не смешно. А почему вы, собственно, так продвигаете этого Пекуровского? Он что, ваш родственник?

- Это очень старое знакомство. Он преподавал в гимназии у моего деда.

- Что? У деда? Это когда ж было?

- Мой дед закончил гимназию в 1905м. У меня хранится их выпускная фотография. Там среди учителей есть Пекуровский. Собственно, дед меня с ним и познакомил.

- И что же этот Пекуровский ему преподавал?

- Закон божий.

- Закон божий? Вы же сказали, что он секретарь горкома партии.

- Не вижу здесь противоречия. Он потом закончил курсы партработников.

- Извините, но это какой-то бред.

- То есть Вы, академик Аникин, мне не верите. И в завтрашнем выступлении Вы не расскажете о вкладе русской культуры в творчество Уильяма Шекспира? Ведь это может стать, не побоюсь этого слова, бомбой, брошенной в стан мирового империализма! Наш, советский человек писал за Шекспира! Каково а?

- Владимир Александрович, давайте на этом остановимся. Сейчас Вы идите, а мне нужно всё хорошенько обдумать.

- Ну что ж, до свидания, Александр Евгеньевич. Приятно было с Вами поговорить (*Академик Плунягин уходит*).

Академик Аникин (в одиночестве): Дебил, блядь!

СТАРАЯ ЕВРОПА

- Господин полковник, капрал Шмидт явился по вашему распоряжению.

- Капрал, вольно. Я Вас слушаю.

- Есть! Господин полковник, выполняя Ваше задание, я направился в квартал А, заходил в пивные П и бордели Б. На Вагнерштрассе В, в баре «Флюгер Хенде» Х моё внимание привлекли двое. Оба бородатые...

- И, надеюсь, пейсатые?

- Так точно! Когда они вышли, я следовал за ними на отдалении О. В сквере на углу Вагнер и Фридрихштрассе Ф они заняли скамейку С, я же обошел сквер и приблизился к ним сзади, скрываясь за кустами К. Далее я достал блокнот Б и вёл записи З.

- Господин капрал, вы заслуживаете похвалы.

- Служу отечеству, господин полковник П!

- Так, где же ваши записи? О, так они на идиш? Вы издеваетесь?

- Так точно, господин полковник! Вы просили записывать слово в слово.

- Тогда, знаете, что, переводите и зачитывайте это вслух.

- Господин полковник желает, чтобы я прочёл в лицах?

(Полковник кивает, капрал читает в лицах, иногда заглядывая в блокнот)

- Итак, не могли бы Вы повторить Ваш план? Ну, чтобы я его лучше запомнил.

- Сначала о целях. Главная: добиться равноправия евреев, как нации. И вторая, связанная с первой: создать независимое еврейское государство.

- Вы серьезно? Это я насчет государства.

- Совершенно.

- Не смешите мои тапочки. Так мечтали иудеи во времена царя Навуходоносора, но сейчас, когда на дворе 1882й с рождества сына Иосифа и Марии...

- Виктуар, пожалуйста не ёрничайте. Если вы будете поднимать все мои идеи на смех нам, простите, лучше разойтись как в море бабочкам.

- Теодор, пожалуйста не принимайте мои слова, как ёрничество. Мне просто надо оценить, насколько серьёзны ваши намерения.

- Хорошо, слушайте сюда. Через несколько лет я созову всемирный еврейский конгресс. Где-нибудь в центре Европы, например в Париже. Об

этом будет написано во всех газетах мира, ну хотя бы в центральных, и хотя бы маленькими буквами – не суть. Главное, евреи по всему миру будут знать, что есть такой Теодор Герцель, и есть такая организация, и потянутся к нам...

- Теодор, извините, что перебиваю. А не лучше ли, вместо Парижа, сделать это где-нибудь на периферии, мало ли... Взять хотя бы Сент Луи – он граничит с Базелем. Если вдруг возникнет, извините, шухер, то два шага, и вы уже в Швейцарии...

- Спасибо, но это мелочи. К тому же еврейский конгресс – это, скорее, для мировой общественности. Вам же я объясняю основную линию. Пожалуйста не перебивайте. Просто так нам землю под страну никто не даст, согласны? Значит, должна появиться международная организация, которой будут предоставлены такие полномочия.

- Вы хотите создать мировое правительство?

- Что вы, упаси Б-г. Пусть это будет нечто вроде международного парламента. Назовём это «Объединенные нации». Как вам название?

- Беседер. А дальше?

- У меня будет не дальше, а раньше. Эти «Объединенные нации» могут образоваться только после некоей войны... ну там, чтобы весь мир, чтобы смерти, голод, разруха... И мировые элиты поймут, что надо как-то договориться, дабы не съесть друг друга. И еще одно: во время этой мировой (назовем ее так) войны, должны пострадать в том числе евреи, может быть, даже, в первую очередь, евреи. И тогда можно будет ставить вопрос перед державами: дайте нам, наконец, землю, и мы, извините за плохой немецкий, съебываемся и больше не мозолим вам глаза!

- У вас, Теодор, весьма сомнительный план и ни грамма гуманизма. Мировая война, голод, смерть...

- Да, увы, такова цена вопроса.

- Но с чего вдруг, возникнет мировая война? И причём тут евреи?

- Вот здесь я подхожу к месту, где должна начаться Ваша миссия, уважаемый Виктуар. Надо сделать переворот в одной из стран так, чтобы там на самой вершине оказались евреи. Эдакая жидо-масонская революция.

- Адзохен вей!

- Я не шучу.

- Вторичный адзохен вей. И какую же страну Вы имеете в Вашем виду, уважаемый ребе?

- Российскую империю.

- Вы, возможно, перегрелись. Это же... я даже не нахожу слов... Вы серьезно видите аграрную Россию, с евреями без пейсов во главе? Это всё равно как, я не знаю, как цимес без морковки.

- Вы имеете сказать, как сациви без курицы?

- Примерно так.

- Не рубите с плеча, дорогой Виктуар. Кое-кто из наших утверждает, правда пока не вслух, что всё это очень даже возможно. Вот, например, в Брюсселе на Грин-плац живёт парочка моих друзей. С одним из них, Карлом, вы, кажется, вместе росли, не так ли? Или с его дедушкой – я уже путаю. Короче, поезжайте, да-да, поезжайте в Брюссель и спросите, где здесь живет Карл вместе с другом Фридрихом, и вам местные всё, что нужно, покажут.

- Ну, Карл так Карл. Кстати, а Клары там, случайно, нет?

- Кларе я вас представлю отдельно, и совсем по другому поводу.

- Ну, беседер.

- То-то. Пусть будет беседер. А теперь марш налево, а я направо. Чао.

БОРЬБА СУМО

Вглядитесь в их лица и фигуры. Борцы сумо – это люди-легенды, о которых местные поэты слагают оды, а художники считают за честь писать их портрет. В большинстве своём, борцы сумо – люди огромного роста, могучей силы и невероятной толщины. Они рождаются, живут и умирают в Японии. Перед выходом на ковёр каждый из них надевает смешные трусы с ленточкой, едва ли прикрывающей задний проход. Попы борцов видны почти целиком, и зрители на трибунах ликуют. Дабы набрать достаточный вес, каждый борец должен хорошо кушать и, чтобы не проиграть в схватке, он постоянно тренирует своё тело. Удивительно, но, по словам Зинаиды

Гиппиус, Виктор Пекуровский совсем не такой. Он не только выглядит, но и ведёт себя совершенно иначе, будто бы и не борец вовсе.

ЖЕЛТОГЛАЗАЯ НОЧЬ

Сотрудник фирмы Алтаир Лимитед Кристофер Батлер неспеша набирал на клавиатуре программный код. Время шло к полуночи, когда из соседней комнаты раздался истошный вопль. Через долю секунду, в кабинет Криса ворвалась его жена Леночка с криком: «Это он, он, я его видела! А-а-а-а!» Её лицо перекосилось от ужаса, а руки тряслись. Крис тотчас ринулся туда, где секунду назад находилась супруга. Там было пусто и тихо. Он выглянул в окно. Темное ночное небо, видны деревья и светящиеся окна соседних домов. Ничего необычного.

- Он был, он заглядывал в окно! - шептала Леночка из-за двери.

- Ты уверена? Я сейчас выйду и посмотрю.

Крис вооружился фонариком и вышел во двор. Пели цикады, светила полная луна. Подойдя к окну Леночкиной комнаты, он посветил фонариком. Стена под окном была чем-то испачкана. Там, как будто, виднелись отпечатки грязных рук. Без сомнения, кто-то недавно, вскарабкиваясь и заглядывал к ним в окно. Крис провёл по грязи пальцем – грязь оказалась жидкой. Посветил фонариком вправо-влево – там никого.

- Ты права, кто-то к нашему дому подходил, - заявил Крис, вернувшись.

- У тебя кровь на пальце!

Действительно, на пальце Криса была кровь. То есть, та самая жидкая грязь на стене оказалась ещё и кровью. Далее они долго дискутировали: стоит ли звонить 911, или нет. Если, допустим, позвоним, что мы скажем полиции? Что какой-то пьяный бомж испачкал стену кровью и хорошо, что не заблевал? Посмеялись и легли спать.

На следующий день в ланч тайм Крис докладывал своим коллегам:

- У нас полусерьезное полусмешное ЧП...

- Что, какая-то женщина ночью вламывалась в окно? – спросил Вайнберг. Повисла пауза.

- Да, а ты откуда знаешь? - удивился Крис, - Хотя, возможно, это был мужчина.

- Ко мне каждый месяц кто-то заглядывает, - спокойно ответил Вайнберг. - Алла даже как-то раз вызывала полицию, но те ничего серьезного не нашли.

- Слушай, - а ведь и у меня была похожая история! – заметил Свиридов. – Случилось это около полуночи, помню, как сейчас. Я смотрел телек, ну и в экране увидел странное отражение. Повернулся к окну. Там, явно, человеческое лицо, а, может быть, и маска. Само лицо белое, глаза огромные, блестят. И ещё увидел рот с окровавленными клыками. Ну, первую секунду я в ступоре. Потом, инстинктивно, ринулся к окну. Однако, этот гад скрылся, и когда я выглянул, там уже никого не было. Да, еще одна деталь. Утром, моя жена выезжала из гаража первой и наткнулась на тушу убитого оленя прямо на нашем драйвее. Я оттаскивал тушу, у неё кровь лилась из горла, горло явно кто-то перегрыз – ф-фу! Даже как-то не по себе.

- Я тоже, кстати, находил убитых животных, - вспомнил Вайнберг, - но у меня они поменьше. Была парадохлых кроликов, как-то раз енот, однажды, кажется, опоссум. Я, кстати, тоже думал про неслучайное совпадение. И – я сейчас вспоминаю – у них у всех были свёрнуты шеи, и на них следы укусов.

- Так может, - предположил Свиридов, - орудует один и тот же маньяк?

- У меня, слава богу, никаких трупов возле дома, - улыбнулся Крис.

- А ты уверен?

Крис задумался.

- Сейчас спрошу у Леночки.

Он набрал телефон жены и долго с ней разговаривал. Леночка, к счастью, уже сто раз забыла о вчерашнем маньяке. Её сильнее беспокоил брючный костюм, который она только что видела на amazone-dot-com.

Сидевший четвертым за их столом Пекуровский, молчал и хитро улыбался. Он прекрасно знал, что такое полная луна, и как она может действовать на людей с необычными способностями. Лицо его уже не казалось столь бледным, каким оно было вчера. На ланч он принёс лишь баночку томатного сока, которую медленно поцеживал, слушая разговоры коллег. Сегодня он любил их всех. Дни полнолуния постепенно заканчивались, и уже никакие казусы не могли помешать его искренним

проявлениям радости и восторга от безграничной красоты окружающего мира.

ЧУВСТВА ВЕРУЮЩИХ

Когда Пекуровский о чем-то говорил, он внимательно следил за своей речью, дабы не обидеть чувства верующих. В благодарность, верующие так же старались не обидеть чувства В. Пекуровского.

ПИСЬМО В ПАРИЖ

Дорогой мой сын,

Надеюсь, ты находишься в добром здравии. Газеты пишут, в Париже сейчас беспокойно, на улицах появились сомнительные люди, которые громко выкрикивают лозунги и под создаваемый ими же шумок громят близлежащие лавки. В эти дни, как никогда ранее, я очень волнуюсь за тебя. С горечью и болью в сердце я узнал (мне об этом сообщил один надежный источник) что и ты, сын мой, был замечен на улице в общей толпе. Тебя видели возле Бастилии и, говорят, ты вместе с другими что-то кричал о свободе, равенстве и братстве. Где ты наслушался или начитался таких слов? Не в книжках ли Монтескьё? Мне никогда не нравилось то, что в любую свободную минуту ты читаешь книги, и особенно, когда авторы этих возмутительных книг пресловутые Руссо, Вольтер или тот же Монтескьё. Мне глубоко несимпатичны и твои модные привычки ежедневно принимать ванну и чистить зубы. И особенно меня раздражают запах одеколона, которым ты пропитываешь одежду. От кого ты перенял эти пижонские манеры? Не от своего ли дружка Робеспьера, чтоб он был здоров?

В твои годы вместо чтения книг и хождения по улицам я занимался более серьезными вещами. Когда восемнадцатилетним юношей я прибыл в Париж, у меня была всего одна пара обуви, одна пара брюк и единственная рубашка, словом, всё, что на мне. А денег в кармане было всего пять сантимов. Помню, как на вещественном рынке на первые заработанные гроши я

покупал себе поношенное бельё, вероятно снятое с покойника. Помню, как я выпаривал его и тщательно проглаживал, убивая тем самым засевших в складках гнид. Я был тогда упорным, я знал, что, если поставлю себе цель, то добьюсь её, чего бы это не стоило. И вот, шаг за шагом, из никому не известного еврейского юноши по имени Иосиф, я превратился в камердинера самого Людовика XVIго! Как ты знаешь, за верную службу Людовик присвоил мне титул барона, а вместе с ним и благородное имя – Виктуар Пекуро. Именно так и никак иначе меня теперь величает весь Парижский бомонд!

Дорогой мой сын! Для того, чтобы ты мог позволить себе по утрам съедать круассан, намазав его прованским маслом и абрикосовым джемом, мне, в твои годы, приходилось монго трудиться, терпеть нужду, а иногда и голод. Помню, однажды утром я шлялся в поисках еды. В те дни я ночевал, где придется, в основном в сенниках, а в ту незапамятную ночь – в хлеву у одной доброй хозяйки. Рядом со мной дремали свиньи и, по-видимому, утром на моей одежде оставались следы их дерьма. Но я ничего не чувствовал, вероятно, уже привык к запаху домашних животных, и удивлялся – почему меня гонят из всех харчевен? Когда же я догадался, в чём дело, я спустился к реке и долго вымачивал и отстирывал штаны. Тогда в голову начали лезть навязчивые идеи. Я подумал: дерьмо на моих штанах состоит из маленьких частиц, называемых, кажется, молекулами. Эти частицы перейдут с моих штанов в Сену, и вместе с её водой, рано или поздно достигнут мирового океана. Пройдут десятки, сотни и даже тысячи лет. Разделившись на меньшие части, молекулы моего дерьма будут вместе с водой переходить в облако и потом дождем падать вниз, на землю, на леса, поля, города и деревни. И если я буду жить долго, то какая-то небольшая часть этих молекул попадет вместе с дождем и на мою голову. А спустя еще миллионы лет подойдут к концу запасы солнечной энергии. Мировой океан начнет замерзать, а Земля замедлит вращение вокруг своей оси и вокруг Солнца. Постепенно приближаясь к холодеющему светилу, Земля сольётся с ним в единое целое. К этой массе добавится Луна, и все прочие тела Солнечной системы. И еще через какое-то время наш, уже бывший, желтый карлик под действием гравитации станет приближаться к другим, таким же холодеющим звездам Млечного пути. Вся галактика схлопнется в единый, огромный шар. И я представил, как галактики всей

вселенной в едином порыве устремляются в весьма небольшую, но значимую область пространства-времени... И бах-бабах-бах – от такого слияния произойдёт новый большой взрыв! И снова начнётся разлёт галактик, а позже деление их на звезды, планеты и так далее, и так далее, и так далее... Родится новый мир. И кто же вспомнит обо мне в этом новом мире? Кто, спрашиваю я, кто?

ОДНОКЛАССНИЦА

- Зайтуна Нуровна, вы учились, и даже сидели за партой с человеком, о котором сейчас говорит весть мир. Не могли бы вы вспомнить какие-то интересные моменты из вашего школьного детства?

- Ну, что же я могу рассказать? У нас была обычная средняя школа, с небольшим уклоном, поскольку здание стояло на горе. Иногда вахтер запускал кота, дети поили его валерьянкой, кот становился пьяным и с ором носился по кабинетам. Это было очень смешно. И ещё у нас над доской висела надпись: "Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше. - В.И. Ленин". А под ней красовалась другая: «Я знаю только то, что ничего не знаю. - Сократ»... Извините, кажется, муж вернулся, пожалуйста быстро убирайтесь отсюда через окно.

СОКРАТ И КРИТИЙ

Критий: Откуда ты идешь, друг мой и учитель Сократ?

Сократ: Дорогой Критий, я очень рад видеть тебя здесь. А иду я с моря, где дышал свежим воздухом.

Критий: Сократ, я бы хотел спросить тебя об одной вещи.

Сократ: Так спрашивай.

Критий: Я долго сомневался, стоит ли вообще кому-то об этом говорить, и не поднимут ли меня на смех. Потом же решил, что столь мудрого человека, как ты, можно спрашивать абсолютно обо всём.

Сократ: Я заинтригован, друг мой.

Критий: Вопрос мой на первый взгляд очень прост, и я сформулирую его так. Многие люди говорят, что они счастливы или несчастливы. Но что такое счастье? Каждый из нас, кажется, может с уверенностью сказать, счастлив ли он в данный момент, или нет. Но как это измерить?

Сократ: Дорогой мой друг, ты ведь не первый, кто задаёшься этим вопросом, не так ли? Я уверен, что и сотни и даже тысячи лет назад были люди, которые думали об этом и пытались получить ответ. Давай сначала определимся. Есть ли вообще счастье?

Критий: Мне кажется, это очевидно. Мы ведь чувствуем его.

Сократ: Итак, ты говоришь, что можешь чувствовать счастье. Тогда скажи, чувствуешь ли ты его своим телом?

Критий: Здесь я не уверен.

Сократ: Ну, хорошо. Тогда давай зададимся следующим вопросом. Можешь ли ты чувствовать что либо – не обязательно счастье – без помощи собственного тела?

Критий: Ответ кажется очевидным. Конечно же телом, ибо что еще есть у меня помимо тела?

Сократ: А мне это совсем не очевидно. Если хочешь, давай спросим случайного прохожего и послушаем его ответ. Вот смотри: в нашу сторону как раз движется иудей. Давай же остановим его и поговорим.

Критий: Что ж, давай.

Сократ: Уважаемый гражданин, не могли бы вы уделить нам немного времени?

Прохожий: Здравствуйте, афиняне.

Сократ: У нас с другом возник спор, и мы хотели бы спросить мнение кого-то еще. Не согласитесь ли вы поучаствовать в нашей беседе?

Прохожий: Ну что же, поговорим.

Сократ: Мой друг, Критий, утверждает, что чувствовать можно только с помощью своего тела, я же считаю, что всё не так просто.

Критий: Мы с Сократом размышляем об ощущении счастья.

Прохожий: Так я имею честь говорить с самим Сократом? Знаете, ведь я искал в Афинах именно вас!

Сократ: Это просто здорово, что вы нашли нас, а мы вас. А как ваше имя?

Прохожий: Это не так важно. Можете звать меня, например, Иосифом. Дело в том, что я не помню своих родителей, а посторонние называют меня разными именами.

Критий: Хорошо, давайте мы будем звать вас Иосифом. Можете ли вы определить, что такое счастье?

Прохожий: Как иудей, я могу сказать: счастье – это то, что бывает между несчастьями и наоборот. Я помню свои ранние годы в Вавилоне. Возле меня всегда находилось много людей, а еды не хватало. И это чувство постоянно голода можно назвать несчастьем. Когда же удавалось перехватить кусочек съестного, в эти моменты я испытывал счастье.

Критий: Получается, вы испытывали счастье собственным желудком?

Прохожий: В первую долю секунды, пожалуй, да. Но потом это ощущение распространялось дальше, по всему телу...

Сократ: Извините, что перебиваю вас, а вы не думали в тот момент, что это чувство может выйти за пределы вашего тела?

Прохожий: Вот как раз я хотел сообщить о своем наблюдении. Когда я ел, вокруг меня собирались какие-то люди. И в процессе еды я видел, как меняется выражение их лиц. Они как бы сопереживали мне.

Сократ: Вы видите, Критий, чувство счастья может переходить с одного человека на другого.

Прохожий: Но случались и другое. Бывало, что за день я не мог найти ни крошки хлеба. Когда я засыпал, мне часто снился один и тот же сон. Будто бы я живу в Иерусалиме и имею там собственную лавку. И как-то раз мимо меня проходит толпа людей. В середине толпы – стражники, вооруженные мечами. А между стражниками движется худой, бледный человек и несет на спине большой деревянный крест. Крест очень тяжелый, так что несущий его еле передвигает ноги. И вдруг он поворачивает голову в мою сторону. Отчетливо вижу его глаза и шевелящиеся губы. «Добрый человек, - спрашивает он, - разреши я прислоню крест к стене твоего дома?» И, не знаю отчего, но я кричу в ответ: «Нет, к моему дому нельзя! Иди дальше, иди, чего медлишь, иди!» Он делает один шаг, потом второй, и вновь повернувшись ко мне шепчет: «И ты тоже будешь вечно идти, и не будет тебе ни покоя, ни смерти!» При этих словах я всегда просыпаюсь. И всегда в холодном поту.

Критий: Да, мрачная картина.

Прохожий: И вы знаете, уже много раз я приходил в Иерусалим. Я пытался найти улицу из моих снов и дом, но ничего такого там нет. И ещё один навязчивый сон: мы все, иудеи, медленно движемся друг за другом. Справа и слева от нас стражники, но уже другие, не как в первом сне. Нас заводят в помещение, и мы стоим там плотно, так что трудно даже пошевелиться. Потом откуда-то из-под потолка в комнату проникает дым, мы начинаем кашлять, задыхаться. И вскоре я вижу вокруг себя людей, оседающих от удушья и умирающих с пеной на губах. Я понимаю, что должен что-то сделать, я хочу подпрыгнуть вверх и закрыть своим телом дыру, из которой идет этот дым. И я действительно прыгаю, я взлетаю и медленно лечу к потолку. Но, как только достигаю его, сразу же просыпаюсь.

Критий: Сократ, мне становится нехорошо. Можно я пойду?

Сократ: Ты молод и слишком впечатлителен для такой беседы, друг мой. Да, ты можешь оставить нас вдвоем со странником. А вы, Иосиф, не скажите ли мне, ради чего вы направились на мои поиски?

Прохожий: Сократ, меня мучают эти странные сны. Я пробовал рассказывать их людям из своей деревни, но они либо смеются, либо начинают считать меня за сумасшедшего. Мне нужен собеседник, способный выслушать и объяснить то, что я вижу. Слухи о вас, великом мыслителе и философе вышли далеко за пределы Афин, и добрались до моей страны. Я понял, что если кто-то и сможет мне помочь, то это будете вы. И вот, я бросил всё, и теперь стою возле вас.

Сократ: Друг мой, на сумасшедшего вы совершенно не похожи. А какой же из снов вы считаете самым главным?

Прохожий: Главный сон – тот, что я вижу раз в месяц, каждое полнолуние. Мои соседи рассказывают, что в такие ночи они слышат самые разные голоса, раздающиеся из моего дома, причем голоса не только людей, но и животных. Мне снится довольно странная картина: будто бы я рождаюсь, прохожу свою жизнь, умираю, но тут же рождаюсь снова, уже в другой семье. В этих снах я иногда попадаю в старинные города, о названии и времени которых я не имею понятия. Я разговариваю с жителями этих городов на неизвестных мне языках. Я женюсь на женщинах, и у нас рождаются дети. А иногда сны заносят меня в те миры, которых ещё не бывало. Например, я вижу мраморные плиты, с меняющимися на них

картинами, которые отражают нашу жизнь. На картинах люди, иногда животные, а иногда буквы, которые складываются в непонятные мне слова. А глядя в небо, я часто наблюдаю не одну, а сразу несколько лун.

Сократ: Друг мой, вы озадачиваете меня. Я готов поверить в то, что во сне вы можете воспринимать прошлое и будущее, но вот число лун... Вы точно заметили, что их было несколько?

Прохожий: Абсолютно.

Сократ: Дайте мне один день на раздумье. Приходите завтра на это же место, я постараюсь найти ответ на все ваши вопросы.

С горы, где расположен Акрополь, на Афины постепенно опускается туман. Густея, он заволакивает здания, людей и растения. Когда уже не видно совсем ничего, на экране появляются желтые титры: «Спите, всё спокойно».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Как старый еврей, переживший на своём веку множество революций и борьбы за различные права, могу-таки сказать, что они практически всегда сопровождаются, а зачастую и заканчиваются погромами...» - пишет в одной из версий автобиографии Виктор Пекуровский.

Что можно к этому добавить? Налейте в кастрюлю литр молока, поставим её на медленный огонь и, перемешивая, всыплем туда два стакана сахара, а чуть позже столовую ложку муки. Поварим до загустения, и в полученный крем добавим немного сливочного масла, ванили и взбитых сливок. Покупное тесто разделим на кусочки, примерно по 90 грамм, сформируем из них шарики и раскатаем на доске. Выпечем полученные коржи, остудим их и промажем кремом. Получится торт Наполеон. Впрочем сам император предлагал назвать это кулинарное чудо в честь другого, ничуть не менее великого человека.

И последнее: для того, чтобы коржи лучше пропитались, советуем на ночь поместить торт в холодильник.